

СЕРГЕЙ АЛТЫНОВ

Десантура!

ПОБЕДИТЬ
ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Сергей Алтынов

Победить любой ценой

«ЭКСМО»

2008

Алтынов С. Е.

Победить любой ценой / С. Е. Алтынов — «Эксмо», 2008

Для боевой пятерки спецназовцев ВДВ нет ничего невозможного. Они давно сработались в команде, и у каждого есть своя военная специальность – снайпер, подрывник, рукопашник. Вместе они – сила, способная сломать хребет любому террористу. Полевой командир по прозвищу Черный Генерал создал свой наркокартель и гонит чистый героин в Россию. Пятерке поставлена задача – уничтожить завод по переработке опия-сырца, а заодно и самого Генерала. Самое трудное – определить его местонахождение, остальное – дело техники...

© Алтынов С. Е., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	5
Часть I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Алтынов

Победить любой ценой

«В сущности, нет ничего вреднее и даже более, никто не может быть так жесток, как вредны и жестоки по результатам своих действий сентиментальные люди.

Человек, любящий своих близких, человек, ненавидящий войну, – должен добить врага, чтоб вслед за одной войной не началась другая».

Александр Васильевич Суворов. Афоризм из «Науки побеждать»

Пролог

Человека поставили на колени. Именно поставили, ударив тяжелым спецназовским башмаком по коленному суставу. Становиться на колени этот седой мужчина явно не привык, но боль заставила его это сделать. Ударивший, высокий, коротко стриженный парень в камуфляже ткнул в перекошенное от боли лицо седого длинный пистолетный ствол с глушителем.

– Если ответишь на мои вопросы – умрешь легко! – произнес стриженный.

Эта фраза адресована не мне, но я нахожусь рядом и отчетливо слышу ее. «Умрешь легко» для седого означает пулю в переносицу. В противном же случае... Об этом даже не хочется думать, тем более наблюдать воочию.

Седой молчал.

– Сколько твоих людей еще осталось в наших рядах? – задал первый вопрос стриженный.

– Всего один человек. Вот он, – отозвался седой и кивнул подбородком в сторону неподвижного окровавленного тела, лежавшего шагах в пяти от самого седого и трех его «собеседников».

Стриженный лишь усмехнулся, пистолет убрал за пояс и тут же быстрым движением выхватил из поясных ножен длинный, играющий бликами от утреннего солнца боевой кинжал.

– Мертвецы меня не интересуют, полковник... Или кто ты там? – проговорил стриженный.

– Он ефрейтор, – подал голос тот, что стоял справа, совсем молодой, также облаченный в камуфляж боевик.

Третий боевик ничего не сказал, лишь огляделся кругом, затем бросил взгляд на табло своих электронных часов...

Меня, невольного свидетеля происходящего, по счастью, никто не замечал. Я так и мог продолжать прятаться в своем убежище, наблюдая, как седой примет легкую смерть или будет порезан на ремешки. Но с давних лет я усвоил, что нехорошо стоять в стороне, когда трое бьют одного. Особенно если этот один немолод и сед. Можно было бы позвонить в милицию (мобильник у меня имелся), но, во-первых, милиция будет долго добираться, а во-вторых, меня услышат и тут же пристрелят. Ведь я нахожусь всего в каких-то двух с половиной метрах от всех четырех. От них меня отделяет лишь ржавый железный остов армейского автомобиля «ГАЗ-66». Через пробитую то ли осколком мины, то ли кулачиной лихого контрактника рваную щель в корпусе «газика» я и наблюдал все происходящее. На мою (а также седого) удачу, оружие у всех троих было не взведено. Теперь мне надо было действовать так, чтобы взвести его они не успели... В наплечной кобуре у меня имелся пистолет с холостыми патронами, совершенно бесполезный в данной ситуации, поэтому надежда оставалась лишь на бо – импровизированное оружие, заготовленное мною на всякий случай еще с вечера. Бо – шест из твердого дерева, крепкий и длинный, почти двухметровый. У восточных народов бо являлся вещью универсальной – и оружием, и посохом, и палкой для загона скота...

Я сумел выиграть какие-то доли секунды и удачно засветил своим бо в стриженный затылок. Расстояние между остовом «ГАЗа» и боевиками было преодолено мной молниеносно. Стриженный икнул и рухнул как подкошенный. Молчаливый боевик успел выхватить армейский нож, но, получив обманный круговой удар по ногам, взвыл, выронил оружие и зарылся головой в песок. Третий, самый молодой, оказался опытным бойцом. Он не стал терять время на выхватывание из-за пояса пистолета и приведение его в боевое положение, так как за это время мой бо наверняка ударил бы его по темени. Молодой принял боевую стойку, отскочив при этом назад. Он явно ждал мою атаку и был готов отразить ее. Я крепко обхватил бо, держа его в оборонительном положении. Пара обманных «вялых» движений заставила молодого почувствовать мою «слабость» и самому перейти в атаку. Противник, явно знакомый с кикбоксингом, попытался достать меня резкой кулачной атакой, но мой бо, в свою очередь, ударил его по ребрам. Молодой не удержал равновесие и оказался на земле. Мне не оставалось ничего другого, как добить его ударом в голову.

Стриженный дернулся в сторону, сумел подняться на колени и выхватить второй пистолет, без глушителя на стволе. Однако я успел метнуть бо точно копьё. Шест тупым концом вошел в гладкий низкий лоб и на сей раз надолго успокоил стриженного.

– Благодарю... Ты кто такой? – произнес седой, поднимаясь на ноги.

– Гвардии подполковник воздушно-десантных войск, – не лукавя, ответил я.

– Из местной воинской части? – В голосе седого послышалось недоверие.

– Нет, – опять же без лукавства проговорил я.

Седой оглядел четыре бесчувственных тела – своих недавних «собеседников» и того, кого он назвал своим человеком. Нога седого была сильно повреждена, он заметно хромал, но старался не показывать своих мучений.

– Машину водишь? – спросил он. – Уезжать отсюда надо, а у меня голова раскалывается.

Машину я водил. Практики, по совести сказать, не хватало, так как личного авто я не имел. Вот мотоцикл – другое дело. Но мотоцикла не было, а был джип «Лендровер»...

– А вы кто? – в свою очередь, спросил я, прежде чем сесть за руль и включить зажигание.

Седой, поморщившись, сунул руку во внутренний карман своей потрепанной лыжной курточки и достал оттуда красную книжицу. Взглянув в нее, я выяснил, что седой и в самом деле полковник. Федеральной службы безопасности. И зовут его Вячеславом Ивановичем Булышевым... Не скажу, что меня это сильно обрадовало, но и не огорчило. Что же – теперь кое-что стало проясняться. Впрочем, обо всем по порядку. Надо вернуться назад и рассказать, что предшествовало моему скоротечному боестолкновению и знакомству с седоголовым господином полковником. Почему я ночевал на заброшенном пляже и прятался в остовах армейской машины. И почему в моем пистолете был холостой заряд...

Тремя днями раньше меня вызвали в штаб и сообщили, что я должен буду сыграть ключевую роль в антитеррористических учениях, проводимых штабом десантных войск. Учения проводились в непосредственной близости от реальных боевых действий, в бывшей автономной республике Изгория.¹ С Чечней, правда, Изгория не граничит, но начали появляться разведданные, что то в том, то в другом изгорском районе замечены вооруженные, хорошо экипированные ребята, которых иначе как НВФ² не квалифицируешь. По «сценарию» учений я являлся вражеским диверсантом. Моя цель – пробраться к военному городку, собрать подробные сведения и провести какой-нибудь террористический акт. Действовал по старинке, без выпендрежа. В качестве объекта «взрыва» выбрал местный обрабатывающий комбинат. Командование намекало, что объект может быть любым – от детского сада до гарнизонного госпиталя. Однако даже в роли диверсанта я выбрал нейтральный промышленный объект.

¹ Изгория – вымышленное автором географическое название. Находится в Северо-Кавказском регионе.

² НВФ – незаконные вооруженные формирования.

Что он перерабатывал, было не столь важно, но находился он в очень удобном (для моей миссии) месте. Комбинат раскинулся на берегу озера с мутноватой от такого соседства, зелено-ватой-свинцовой водицей. На противоположном берегу был заброшенный пляж. Купаться в комбинатовском озере желающих уже долгие годы не было, и поэтому на пляже и в близлежащем леске была устроена автосвалка. Место неприятное даже для бомжей и оттого весьма привлекательное для человека моей профессии.

Прибыв в Изгорск, я не снял квартиру и тем более не остановился в гостинице. Я вообще старался как можно меньше находиться в городских кварталах, но для приличия около двадцати минут помаячил рядом с забором местного войскового соединения. «Ловить» диверсанта должны были бойцы спецроты ВДВ, в лицо меня не знающие. Из оружия у меня был муляж взрывного устройства (для последующей закладки и имитации теракта), приборы дальнего и ночного видения, а также пистолет с холостым зарядом. Все-таки я был на учениях, и какие-либо потери никак не соответствовали их условиям. Весь вечер я провел на пляжной автосвалке, вычисляя с помощью инфракрасного бинокля подходы к комбинату и возможность его минирования. Там же, под надежным укрытием покореженного армейского автомобиля, решил и заночевать. Шест бо я нашел в лесу и с помощью перочинного ножа приспособил его к боевым действиям. На всякий случай...

Иногда приходится учиться у братьев наших меньших. Самые осторожные и осмотрительные животные – сурки. Они становятся на задние лапы и устремляют взор вдаль: не бежит ли спереди лиса? Не летит ли ястреб? Не ползет ли змея? Но нередко самые наблюдательные из них получают автомобильным бампером в лоб... Следующим утром я чуть не получил по темени этим самым свинцовым «бампером». Лишь только рассвело и я собирался вылезти из убежища, послышался шум автомобильных моторов. Я тут же затаился, одновременно приготовив к действию имеющееся оружие. Через небольшую дыру в корпусе автомобиля я свободно наблюдал за происходящим. Вместо ожидаемых мною бойцов ВДВ на пляже показались двое мужчин. Один – среднего роста, лет тридцати – был явно из местных, говорил с заметным изгорским акцентом. Второй – седой, высокий и поджарый – впоследствии оказался полковником Булышевым. Он вышел из джипа «Лендровер», обнял за плечи того, что из местных.

– Зачем мы встречаемся? – донесся до меня голос седого.

– Ситуация осложнилась. Ждать больше нельзя, – ответил местный.

– Почему мы встречаемся здесь? – спросил седой.

– Здесь безлюдно... За другие места я не уверен.

– Ты хочешь сказать...

– Мои нынешние хозяева в курсе того, что происходит у вас, – не очень вежливо перебил седого местный. – Но это не все. Слушай главное...

В этот момент где-то в лесу хрустнула ветка, и оба они, седой и местный, почти одновременно сунули руки в карманы и рванули к возможным укрытиям. Только теперь я понял, что это не встреча старых приятелей и никакие не учения. Пляжный песок вздыбился от прозвучавших со стороны леса автоматных очередей. Я замер, плотнее прижался к железу. Очереди были явно не холостыми, в отличие от моего пистолета. Местный успел сделать два выстрела, но точная очередь не дала ему занять выгодной позиции. Седой успел залечь, выстрелил, перекатился за валун, и в этот момент сзади него выросли две могучие камуфлированные фигуры. Седой не успел среагировать, его довольно профессионально обезоружили и заломили руки за спину. В этот момент со стороны леса показался третий, автоматчик. Он шел, опустив ствол к земле, и вид у него был довольно обескураженный.

– Зачем убил? – набросился на автоматчика высокий стриженный парень, явно главарь. Говорил он с заметным акцентом, тыкая стволом своего «стечкина» в сторону окровавленного неподвижного тела недавнего собеседника седого.

– Он убил Файтера, – дернулся всем телом автоматчик.

Я отметил, что Файтер – имечко явно не местное, по-моему, оно обозначает бойца.
– Ох, е... – отчетливо выругался стриженный. – Ладно, зато этот теперь у нас.

Этот, он же седой, стоял, выпрямившись во весь рост, под прицелом третьего – самого молодого, с симпатичной бородкой и злым пронизательным взглядом. Руки седого были подняты, ладони уперты в затылок. Нет, к сожалению, это были никакие не учения...

– Нам известно, кто ты и кто вот этот, – кивнув в сторону погибшего, проговорил стриженный.

Седой молча смотрел в одну точку. Он словно окаменел.

– Молчишь? – продолжил стриженный. – Ничего, время у нас имеется.

После этих слов седого поставили на колени.

– Кто эти люди? – спросил я, прежде чем тронуть машину с места.

– Наемники, боевики наркомафии.

– По виду славяне... Кроме вот этого, – я кивнул в сторону стриженного.

– Я же говорю – наемники.

Тут он прав. Национальность и вероисповедание здесь ни при чем. Бандит, он и есть бандит. Просто в последние годы я стал настороженно смотреть на всякого бородатого брюнета. Впрочем, не только я.

До города мы добрались без приключений. Не прошло и получаса, как мы въехали в столицу Изгории город Изгорск.

– Где остановимся? – спросил я.

– Давай вот здесь, – полковник кивнул на стоянку рядом с аптекой.

– Вам бы к врачу надо, – произнес я, собираясь покинуть автомобиль.

– Успеется, подожди, подполковник... Звать-то тебя как?

И в самом деле, кроме звания, я более никак не отрекомендовался.

– Валентин Денисович, – ответил я.

– А я про тебя слышал, кажется... – прищурившись, отозвался Булышев. – Тебя к ордену дважды представляли, но так и не наградили. И в академию тормознули...

М-да, «контора» информирована достаточно правдиво.

– У тебя фамилия заковыристая... Из памяти вылетела, – продолжил Булышев.

– Обычная у меня фамилия. Редкая просто... Вечер.

– Что? – не понял Булышев.

Часы, висевшие рядом с аптекой, показывали ровно девять утра.

– Фамилия такая – Вечер, – пояснил я.

– Точно, – впервые за все время нашего знакомства улыбнулся полковник, – Валентин Денисович Вечер, сокращенно – ВДВ. Наслышан...

Тут лицо Булышева вновь невольно искривилось от боли. Не до улыбок полковнику.

– Давайте я вас до госпиталя довезу, – сказал я.

– Да... Но сначала поговорим. Ты парень честный, надежный. Меня с тобой бог свел... И мне нужна твоя помощь, Валентин.

Все стало до предельного просто. Меня, кажется, вербуют.

– Боюсь, ничем не смогу вам помочь. У меня другая специализация. Глубинная разведка, диверсионные рейды, – ответил я негромко, но внятно.

– Непонятливый ты парень, – отозвался фээсбэшник с тоской во взгляде.

– Что поделаешь, – я лишь пожал плечами.

Мне не хватало только фээсбэшных заморочек. И так за плечами Чечня, ныне служба в учебном центре спецназа ВДВ. Обучаю офицеров, прапорщиков и контрактников, одним словом, профессионалов тактике уличных боев, рукопашному поединку в закрытом помещении и искусству выживания в экстремальных условиях. Охота на наркомафию меня не интересует.

Ко всему прочему, у ФСБ есть свой спецназ – «Альфа», «Вымпел»... Бог его со мною свел! Ох, зря, полковник, за бога говоришь.

– И все-таки послушай меня. Здесь, в Изгории, создается картель, – произнес Булышев.

– Медельинский знаю, – усмехнулся я. – А что будет за Изгорский картель?

– Звучит смешно, – кивнул Булышев. – А смысл печальный. Картель – это монополия. Иными словами, несколько предприятий образуют союз. Предприятий, производящих однородную продукцию, в нашем случае наркотики. Хозяева предприятий договариваются о своей доле в производстве, сбыте. Об условиях продажи, ценах и районах сбыта. Цель – завоевание монопольного положения. Но это только начало. В дальнейшем Изгорский картель, скорее всего, объединится с крупнейшими международными наркосиндикатами... Ты знаешь, почему из Изгорска исчезли цыгане?

– Межнациональная рознь, – отозвался я. – Слышал, цыган ударил ножом кого-то из местных, и понеслось.

– Погромы, поджоги, – кивнул Булышев. – Ввели спецназ внутренних войск, но цыганская община в спешном порядке покинула Изгорск и его окрестности. Бросили особняки, дорогие квартиры... Только никакой национальной розни не было. Цыгане представляли серьезную конкуренцию для местных наркобаронов. С ними не стали договариваться, не стали отстреливать по одному. Просто натравили на них местную агрессивную настроенную молодежь. Хитро спровоцировали драку, ну а потом... В новостных программах показали мало. Цыган вытаскивали из их построек, обливали бензином и сжигали целыми семьями.

– А вы сложа руки сидели? – спросил я. – Как это у вас называется, работали в режиме фиксации?

– В режиме фиксации, – кивнул Булышев. – Цыган в республике больше нет. Так сегодня устраняют конкурентов. Так вот – говорю коротко. Как тебе известно, опийные плантации в Афганистане никто не уничтожал и уничтожать не собирается. Караваны из Афганистана идут напрямик сюда, в Изгорию.

– Каким образом?

– Это мне неизвестно. Пока неизвестно. Но точно известно, что здесь, в Изгорске, действует целое наркопредприятие, завод. Опий перерабатывают в героин, а потом он идет в различные города России, страны СНГ, дальше зарубежье. Способ доставки опять же неизвестен, но кое-какие подозрения есть.

– Зачем вам я? Где, спрашивается, космическая разведка ГРУ? Банку пива из космоса разглядеть могут, а тут... Целые караваны.

– Я успешно внедрил в наркомафию своего верного человека, – никак не отреагировав на мою колкость, продолжил Булышев. – Он сумел узнать многое и сегодня должен был рассказать мне нечто важное. Но его убили. Тело ты видел...

Не только тело, я видел саму смерть этого человека. Эх, знать бы все заранее, тогда и оружие у меня было бы не холостое.

– Так вот, – чуть помолчав, заговорил дальше Булышев, – противодействие идет на самом высоком уровне. Я же тебе объяснил – картель, монополия. Это колоссальная прибыль.

– А ваши коллеги?

– Что коллеги? У них свои трудности. Милиция и госнаркоконтроль, например, не могут бороться с мелкими торговцами. Закон ныне запрещает их трогать. Доза в кармане маленькая, на одного – даже задерживать не имеют права. Кто такие законы придумывает?

– Те, кому выгодно.

– А выгодно многим. Врачам-наркологам, например. Не всем, конечно. Но есть такие... врачи. Представь, какие деньжищи платят богатенькие папы и мамы, чтобы избавить своих чад от наркозависимости. Иной «нарколог» за неделю на новенькую «БМВ» зарабатывает... Да и у ментов и наркополицейских своя выгода, даже если они некоррупционированы. Чем выше

наркопреступность, тем выше и их, полицейских, статус. Отсюда и отдельная строка в бюджете, увеличение технической базы, повышение оклада и прочее. Это страшный, абсолютно порочный круг. А выгоден он тем, кто в середине девяностых то ли от наглости, то ли по забывчивости ляпнул: «Слишком густо населена страна наша, Россияния! Подсократить бы население, и сразу все наладится!» Потом спохватились, затаились. Больше подобных фраз не произносили. Однако слово не воробей... Короче, я работаю без всяких контактов. Без местной милиции, ФСБ, наркоконтроля. Вся информация лично начальнику специального управления ФСБ, моему проверенному товарищу генералу Сладкову. Но даже при такой закрытости я где-то прокололся, и мой агент погиб. Теперь у меня нет ничего. Ни агентуры, ни информации. Центр вынужден будет свернуть дальнейшие действия... А местным структурам картель не по зубам... Ежегодно в России оседает пятнадцать тонн героина. И это только из одного Афганистана... Вот потому и стояла там в свое время Сороковая армия.

Об этом же говорил некоторое время назад и мой недавний командир майор Сергеев.

– Нужно выяснить, где находится наркозавод, база и кто ее истинные хозяева.

«Твоей бы... Федеральной службе и поискать», – мысленно произнес я.

– С этой базы тонны наркотиков двинутся по всей России, – продолжил Булышев. – Решай сам.

– Чего тут решать? А как с командованием? – спросил я.

– Договоримся. В этом деле Москва поможет.

Меня еще в детстве тренер по боксу наставлял: в драку лишний раз не ввязывайся, избегай драки всеми удобными способами. Но уж если ввязался, стой до конца, спины противнику не показывай. Раз уж по-иному не получается... И сейчас, кажется, именно такая ситуация.

– Я все понимаю... В госпиталь вам все же надо, – довольно твердо проговорил я.

– Не надо госпиталя. Мне вот сюда надо! – Булышев кивнул в сторону аптеки. – Здесь есть одна очень хорошая женщина. Потолковой иных профессоров медицины будет. Значит, по рукам.

Я молча пожал узкую, хваткую ладонь Булышева, а потом проводил его до аптечных дверей. Толковая женщина сама разберется, что сейчас нужно полковнику.

Часть I

Гвардии подполковник ВДВ

Валентин Вечер. Позывной – Странник

Если у вас не раскрылся парашют, не стоит отчаиваться. В запасе остается целых двадцать секунд, за которые вы должны научиться летать. А если не научитесь, то это ваша последняя неприятность. Смерть вообще самая последняя неприятность десантника. Шутка дубовато-жутковатая, но все улыбаются... На лице комполка улыбки не наблюдалось. Он никак не ожидал увидеть «диверсанта» у дверей своей квартиры.

– Что за шутки, Валентин? – спросил он.

– Диверсант сдается добровольно! – сообщил я. – Учения окончены.

Комполка я знаю давно. Он из наших, из десантников. Рязанское училище ВДВ окончил. И меня, в отличие от своих подчиненных, в лицо знал преотлично. И знал, что я способен на всякие каверзы, зачастую немыслимые. Например, захватить его, комполка, в заложники.

– Команды «отбой» не было, – на всякий случай немного отодвинувшись от меня, возразил комполка.

– Минут через пятнадцать вы ее получите, – произнес Булышев, поднявшийся на этаж следом за десантным полковником.

– Вы кто? – спросил комполка.

– Пройдемте в квартиру, – очень мягко проговорил Булышев.

Вид у него был не слишком презентабельный. Поперек лба белая полоска пластыря, кровоподтеки на скулах плюс заметная хромота. Тем не менее толковая женщина из аптеки довольно быстро привела Булышева в порядок. Я лишь кивнул головой, и комполка ничего не оставалось, как пропустить нас в квартиру. Затем говорил Булышев, я молчал... Не прошло и пятнадцати минут, как раздался телефонный звонок.

– И в самом деле, отбой, – произнес комполка, выслушав и повесив трубку.

– Выполните нашу просьбу прямо сейчас, – столь же мягко продолжил Булышев. – Отмените розыск «диверсанта».

– Хорошо, – кивнул полковник. – Какая-нибудь еще помощь понадобится? – спросил он без всякого энтузиазма. Это и понятно, у комполка своих проблем выше крыши.

– Нет... Только при случайной встрече на улице не здоровайтесь с Валентином Денисовичем. Если он, конечно, сам не подойдет к вам.

Комполка кивнул. Затем предложил нам чаю, но Булышев отказался, а я последовал его примеру. Как-никак старший по званию.

– Считай, что действуешь в оккупированном врагами городе.

Я лишь невесело усмехнулся. Полковник Булышев не слишком и утрировал. Впрочем, моя армейская специализация и заключалась в работе на оккупированной территории, в тылу врага.

– Ты сейчас в отпуске. Тебя как бы нет, – продолжал Булышев. – В городе есть знакомые?

– Нет, – покачал я головой. – Слушай, Вячеслав Иванович, мы ведь с тобой вдвоем много не навоюем.

– Кого еще имеешь в виду? – сразу понял меня Булышев.

– Чабан, Кентавр, Малыш. Слышал про таких?

– Это ребята из твоего подразделения?

– Да.

– Хорошо. Вызовем их.

– Все не так просто, – дернул я подбородком. – Кентавр, он же Миша Никандров, отбывает наказание. В специальной крытой тюрьме.

– Дела... – лишь развел руками Булышев. – А без него... совсем никак?

– Совсем, – твердо произнес я. – У вас нет людей. У меня их тоже не много... Тех, на кого можно положиться. А Никандров из их числа.

Ко всему прочему, я хотел вытащить Кентавра из того дерьма, в котором он не по своей воле оказался.

– Обещать не могу, – только и ответил мне Булышев. – А Чабан – это майор Сергеев?

– Да, Сергеев Яков Максимович.

– Он ведь уже отставник. К тому же, кажется, инвалид...

– Вы пятьдесят раз от пола отождметесь? – спросил я Булышева.

– Не знаю, вряд ли... Вот когда был курсантом школы КГБ, отжался бы точно.

– Две недели назад я был в гостях у Сергеева. Он при мне отжался более пятидесяти.

– Верю, – кивнул Булышев. – Перейдем к делу! Сейчас в Изгории находится Эль-Абу Салих. Это совершенно точно сообщил ныне погибший агент.

Я еле удержался, чтобы не присвистнуть. Эль-Абу Салих известный полевой командир. В Чечне за ним столько всякого.

– Он имеет своих людей в самых разных структурах, – продолжил Булышев. – От коммерческих до милицейских.

– Уж в этом я не сомневаюсь.

– Он явно имеет немалую долю в местном наркобизнесе. Если бы удалось выявить его местонахождение и захватить, то... Не исключено, что будущий картель был бы обезглавлен. К тому же от Эль-Абу мы можем получить интересные сведения. Затем возможна оперативная игра.

– А что говорит местная служба по противодействию наркотикам? – задал я, как выяснилось, довольно глупый вопрос.

Булышев, слегка морщась, разъяснил мне сегодняшнее положение дел. Разумеется, в Изгории была своя служба госнаркоконтроля. Точнее, было здание, а в нем сидели несколько сотрудников. Создана она была на базе бывшей налоговой полиции. А налоговая полиция в Изгории работала так, что почти весь кадровый состав пришлось в свое время выводить за штат и капитально перетряхивать. В результате осталось всего пять человек, причем с работой по незаконному обороту наркотиков знакомых весьма приблизительно. Из Москвы прибыл новый начальник, который взялся за дело столь рьяно, что через две недели его бронированный автомобиль был обстрелян из гранатомета. Помимо начальника, погибли водитель и охранник. Следующий присланный Москвой руководитель действовал уже куда более осторожно. Поэтому в него никто не стрелял, а работа шла ни шатко ни валко. В оперативный состав набрали бывших милиционеров, из местных. Это, сами понимаете, без комментариев.

– Твоя задача – выйти на Эль-Абу, – подвел итог Булышев. – Чабан, Малыш, Кентавр... А твой позывной?

– Странник, – ответил я. – Почему – не знаю, прозвать прозвали, объяснить не объяснили.

– Да, я слышал о вашем подразделении. Спецгруппа разведки ВДВ. Вас называли Афганской пятеркой. Только подожди, а кто же пятый?

– Прапорщик Аржанникова, – ответил я.

– Женщина? Этого я не знал.

– Военный фельдшер. Участвовала с нами в боевых рейдах. Награждена орденом Мужества.

– И где она сейчас?

– Служит в подмосковном госпитале.

– Пожалуй, ее тоже стоит задействовать, – произнес Булышев. – Есть вещи, которые может выполнить только женщина.

– Мне не хотелось бы втравлять в это дело Риту, – жестко ответил я.

– У нее есть семья?

– Нет... Так получилось, что ни семьи, ни детей.

– Пятерка должна действовать в полном составе, – не менее твердо, чем я, произнес Булышев.

Мне оставалось лишь тяжело вздохнуть. Ведь нам и в самом деле пригодилась бы помощь Маргариты Аржанниковой. План дальнейших разведывательно-боевых действий уже начал вырисовываться в моей голове.

– На сегодня все, – подвел итог Булышев. – Мне предстоит собрать твою команду, а тебе нужно отдохнуть. Вот ключи и адрес. Это наша конспиративная квартира. Можешь не опасаться, в оперативных целях я ее ни разу не использовал.

Квартира находилась совсем рядом, на расстоянии одной автобусной остановки. Поэтому я двинулся туда своим ходом. Проходя по одной из улиц, я обратил внимание на мечеть. Точнее говоря, не на саму мечеть, а на строительство, развернувшееся вокруг нее. Гастарбайтеры среднеазиатской наружности возводили высоченный каменный забор. На одной из уже построенных стен я насчитал около восьми небольших круглых отверстий. Даже не имеющий боевого опыта человек сразу сообразил бы, что это бойницы.

Стало быть, умные люди готовятся к войне... Иной вывод не напрашивался.

20 часов 30 минут того же дня.

Москва. Северо-Западный округ

Ресторан «У Палыча»

Почему ресторан был назван таким образом, мало кто знал. Ходили слухи, что его совладельцами были то ли авторы телевизионных «Знатоков», то ли актер, игравший Пал Палыча Знаменского. Однако это не соответствовало истине. Владельцем ресторана был человек, не имеющий к телевизионным постановкам никакого отношения. Как и легендарный Пал Палыч, владелец когда-то носил погоны, правда, не милицейские. Поначалу он хотел назвать ресторан «Петрович», но такое название в столице уже имелось, поэтому Петровича переделали в Палыча. Сегодняшним вечером на дверях ресторана висела табличка из советских времен – «Закрито по тех. причинам». Тем не менее официанты и прочие ресторанные работники сегодня трудились вовсю. Немногочисленных посетителей надо было не только обслужить по первому классу, но быть при этом ненавязчивыми, почти незаметными и в то же время вежливыми и предупредительными. И чего уж особенно нежелательно было для ресторанных работников, так это услышать или увидеть что-то лишнее.

Гости сидели в отдельном кабинете. Трое явно немосковских жителей (одетых, правда, недешево), напротив них явные столичные жители. Тоже трое – молодые немногословные парни с могучими шеями и уже немолодой, но крепкий мужчина.

– Хашим, раз я пригласил тебя сюда, значит, хочу говорить, – слегка пригубив рюмку коньяка, произнес этот мужчина.

– Почему твои люди ничего не пьют и не едят? – спросил предводитель немосквичей, кивнув на молчаливых ребят с могучими шеями.

– Они спортсмены, держат форму, – как ни в чем не бывало пояснил немолодой лидер столичных.

– Зачем тогда они сидят здесь? – зло усмехнулся Хашим.

– Мы не о том говорим, Хашим, – вежливо, но твердо произнес в ответ столичный. – А у нас мало времени.

– Мое слово тебе известно. Изгорск наша точка. Почему мы должны подчиняться тебе?

– Этот человек тебе известен? – Столичный протянул Хашиму фотографию полного уса- того мужчины в форме полковника милиции.

– Это начальник СКМ³ Изгорска, – усмехнулся Хашим.

– Твой бывший деловой партнер, – уточнил столичный.

– Почему бывший?

– Сегодня ранним утром его шофер не справился с управлением, и машина свалилась в бурную горную речку под названием... Забыл, но это и не важно. В вечерних новостях об этом было подробное сообщение. Ты новостные программы разве не смотришь?

Хашим ничего не ответил. С трудом исхитрился совладать с мышцами лица. Этот столичный не врал. Такие шутки не в ходу у персонажей его полета. Заметно занервничали и двое спутников Хашима. Оба они были сотрудниками изгорской милиции, непосредственными подчиненными трагически погибшего полковника.

– Хашим, попроси своих людей вынуть оружие и сдать нам, – уловив их настроение, скомандовал лидер столичных.

Отдавать оружие было не в традициях Хашима и его земляков. Звериный инстинкт подсказал всем троим, что самое время покинуть заведение, причем максимально достойно, без суеты и трусости. Телохранители Хашима выхватили свои табельные (законом предусмотренные) «макаровы» и наставили их на москвичей.

– Не двигаться! Разговор окончен, – прошипел Хашим.

– Пожалуй, – согласился столичный, медленно поднимая руки.

То же самое проделали и его по-прежнему молчавшие молодые соратники. Хашим предпочитал, чтобы последнее слово оставалось за ним. Он изобразил злую усмешку и уже готов был произнести нечто победоносное и одновременно уничижительное для противника, как вдруг охнул от сильного ослепляющего и оглушающего удара. В оба его уха точно влетели два колючих ядра со смещенным центром тяжести. Перед глазами поплыли фиолетовые круги. Падая на пол, Хашим успел увидеть, как двое его охранников взлетели вверх, точно подброшенные невидимой пружиной, выронили оружие... И еще Хашим успел увидеть, что столичный собеседник и его ребята по-прежнему сидят на своих местах, столь же медленно возвращая руки в прежнее положение.

Хашим пришел в себя от болезненного удара в переносицу. Над ним возвышался лидер столичных, сжимая в руках какой-то приборчик, напоминающий телевизионный пульт.

– Ты не только грубиян и наглец, Хашим, – проговорил столичный, – ты еще и дурак. В твоём положении не проверить, на чем сидишь, это, знаешь ли... В стулья мы заранее вмонтировали шоковые мины ограниченного радиуса поражения. Слышал про такие?

Хашим лишь отрицательно затряс гудящей головой.

– Ну, разумеется, – усмехнулся столичный, – дружба с продажными ментами кругозора не расширяет. Мины я привел в действие с помощью вот этой кнопки, – столичный указал на пульт, – а нажал ее большим пальцем левой ноги... Вот так-то, Хашим.

Впервые за весь вечер молодые спутники столичного позволили себе сдержанные усмешки. Хашим поднялся на ноги, его качало из стороны в сторону, но он старался удержать

³ СКМ – служба криминальной милиции.

равновесие. Его телохранители еще не пришли в себя, но были уже обезоружены и закованы в наручники.

– За твое хамство тебя следовало бы... – подходя к Хашиму вплотную, медленно проговорил лидер столичных и, не закончив фразу, вдруг без замаха ударил его под ребра.

Хашим не успел среагировать и вновь оказался на полу. Он почти терял сознание, но его вновь привел в чувство удар в переносицу.

– Не спать! – голосом психотерапевта Кашпировского скомандовал столичный и на сей раз сам, одним рывком, поднял Хашима на ноги.

– Смотри сюда, Хашим, – уже более мягко проговорил лидер столичных. – В следующий раз я поговорю с тобой без всяких мин, кнопок, лишних людей... Смотри!

Молодой подручный поднес большой толстый лист стекла. Из таких обычно делают окна в особняках и больших квартирах. Ни слова не говоря, немолодой лидер, опять же без замаха, ударил по стеклу пальцем правой руки. Даже не ударил, скорее просто ткнул. И демонстративно отошел в сторону. Стекло по-прежнему было целым и гладким, без единой трещинки. Однако в центре его виднелась аккуратная круглая дырочка, точно сделанная специальным сверлом. Хашим был знаком с восточными единоборствами и знал, что такую дырочку в стекле может сделать редкий, очень искусный мастер боя. На вид же лидер столичных был немолод, не слишком высок, широк и увесист.

– Теперь ты понял, почему меня зовут Стекольщиком? – не то спросил, не то пояснил столичный.

– Понял, – дернулся всем корпусом Хашим. – Я только раньше думал, что имеется в виду другое «стекло».⁴

– Ну тогда давай все же побеседуем, – очень вежливо предложил Стекольщик, делая приглашенный жест к соседнему столику. – Однако твоим приятелям придется немного полежать. – Стекольщик кивнул на обездвиженных наручниками, медленно приходящих в себя телохранителей Хашима.

Далее началась беседа. Говорил в основном Стекольщик, а Хашим внимательно слушал, лишь изредка дергая головой. Гул в ней еще не прошел, да и нижняя челюсть сильно ныла.

Хашим не слишком верил собеседнику. Но тот сохранил ему жизнь. Значит, этот «белый воротник» и в самом деле нуждался в Хашиме. И в бандите проснулся животный инстинкт безоговорочного подчинения сильному.

– Я создаю картель. Монополию, – подведя итог всему сказанному, проговорил Стекольщик. – Тебе и твоему хозяину Эль-Абу гораздо выгоднее влиться в мою структуру.

– У тебя есть для нас место?

– Есть.

«Есть? Если бы не было, этот Стекольщик давно нашел бы способ расправиться со мной, – думал Хашим. – Значит... Да все элементарно – Стекольщик хочет выйти на моего хозяина, Эль-Абу Салиха. Чтобы взять в долю? Конечно, нет. Стекольщик ликвидирует Абу Салиха и станет полновластным монополистом, хозяином картеля... Но мне-то что до этого?! Стекольщик явно сильнее Абу Салиха. И умом, и властью, и даже в рукопашной... У меня нет выхода. Буду работать на Стекольщика, а там будет видно. Бежать, исчезать в случае смертельной опасности – опыта мне не занимать».

– Вот твой первый гонорар, – произнес Стекольщик, положив перед Хашимом две толстые пачки зеленых купюр. – Их могло бы быть больше, но я удержал кое-что за твое грубое поведение, – тут же пояснил столичный лидер. – Но запомни, – изменившимся голосом добавил Стекольщик, – если ты задумаешь сыграть против меня, то... Стулья проверять будет бес-

⁴ «Стекло» (жарг.) – обозначение некоторых видов наркотических средств.

полезно. Мины я заложу в другом месте. Или не мины, а просто откручу тебе голову. Вот так! – Стекольщик взял со стола вилку и начал точно винт откручивать один из ее зубцов.

Хашим вновь был поражен невесть откуда берущейся силой этого человека. Стекольщик положил на тарелку перед Хашимом аккуратно открученный зубец.

– Связь со мною будешь держать следующим образом...

Хашиму не впервой было работать сразу на два фронта. Начинать он заурядным уголовником. В тюрьме шестерил на паханов и сливал информацию местным оперативным службам. Волею судьбы оказавшись в Чечне (сам Хашим вовсе не был чеченцем), некоторое время сотрудничал с боевиками, но, попав в плен, сумел выторговать свою жизнь, передав ценную информацию для ГРУ. Покинув Чечню с солидным денежным кушем, Хашим осел в Изгорске, где сошелся с местными наркоторговцами. Здесь его все устраивало. Никакой войны, никакой политики, чистый бизнес. Конечно, его хозяин, недавний полевой командир Эль-Абу, был суров, но иногда бывал и щедр...

Новый хозяин, Стекольщик, куда более суров, но, кажется, тоже не из скупых. Оба эти обстоятельства диктовали Хашиму только одно – четко выполнять все указания Стекольщика.

Утро следующего дня. Валентин Вечер

Сколько в городе больниц и травмопунктов? Штук пять как минимум. Плюс гарнизонный госпиталь. Именно об этом я задумался, проснувшись утром следующего дня на конспиративной квартире полковника Булышева. По счастью, в квартире имелась небольшая библиотека, состоящая из книг, которые могли иметь практическое применение в булышевских делах. Например, адресный и телефонный справочник города Изгорска. Раскрыв справочник на нужной странице, я и в самом деле обнаружил пять больниц и четыре травмопункта. Вместе с гарнизонным госпиталем (в справочнике не указанном) получалось десять. Почему меня заинтересовало местное здравоохранение? Очень просто – вчерашнее боестолкновение должно было иметь печальные последствия для бойцов наркомафии. Получить шестом бо даже по чугунной башке дело болезненное. За два-три дня не проходящее. Конечно, у наркомафии и Эль-Абу может быть свой тайный госпиталь где-нибудь в горно-лесистой местности, но мне кажется, что скорее бандиты заживляют свои увечья в городских условиях. В отдельной палате, ну например, горбольницы номер два. Она находилась совсем недалеко от моего нынешнего местонахождения, поэтому я решил действовать, не дожидаясь Булышева. С Вячеславом Ивановичем мы должны встретиться около шести вечера, и до этого времени я вполне успею собрать кое-какие разведданные.

Действовать придется нагло и уверенно. И цинично. Как говорил О. Бендер, людям это нравится. У меня же попросту нет другого выхода. Я надел лыжную куртку темно-синего цвета, немного взлохматил волосы, двухдневную щетину на лице решил оставить. Из оружия у меня по-прежнему был пистолет с холостым зарядом, а также трофейный боевой кинжал и выданный мне Булышевым довольно дурацкий миниатюрный электрошокер. На всякий случай прихватил и офицерское удостоверение. Помимо всего этого, на поясе у меня была небольшая сумка типа «банан». В ней компактная видеокамера с блоком питания и двумя видеокассетами. Если я действительно встречу сегодня с тем, кого ищу, то видеокамера может понадобиться куда больше, нежели нож или пистолет.

Вторая горбольница представляла собой четырехэтажную постройку старого образца, обнесенную высоким забором. У главных ворот охрана – двое местных парнишек с бородами, усами и длинными резиновыми дубинками. Беседовать с ними у меня желания не было. Я прошел вдоль забора, и когда исчез из поля зрения охраны, то подпрыгнул, ухватился за забор, подтянулся и очень быстро оказался на больничной территории. Далее столь же быстро нашел приемный покой. Там сидела пожилая женщина, русская, с усталым морщинистым лицом.

Кажется, это уже удача. Таких обычно куда проще разговаривать, нежели бородатых секьюрити на воротах.

– Простите, пожалуйста, – вкрадчиво обратился я к дежурной, – я из милиции, – быстро махнул удостоверением и тут же убрал. – Как здоровье... Вот черт, фамилию забыл... Ну, парня, которого вчера с черепно-мозговой травмой привезли.

– Вчера никого с черепно-мозговыми травмами не доставляли, – сухо ответила пожилая «приемщица».

– Как же не доставляли? – В моем голосе появилась твердость. – Вчера, во второй половине дня, ближе к вечеру! Вы не хотите об этом говорить? Вас ведь попросили не регистрировать пострадавшего! Нам это известно!

Я шел на нее в психическую атаку, на всякий случай как бы невзначай распахнул куртку, демонстрируя кобуру с пистолетом. Эх, поганая служба. Пугать женщину, которая мне в матери годится. Ведь эти, которые могли вчера доставить своего «черепно-мозгового», тоже наверняка стволами бряцали. Причем не холостыми.

– Молодой человек! – совсем не испуганно и не обескураженно произнесла «приемщица». – Я вам русским языком объяснила...

– Простите, – перебив ее, голосом на полтона ниже проговорил я, – мне очень важно знать – ОН здесь?

Ни одна морщинка не дрогнула в ее лице. Я, кажется, готов был ей поверить.

– Никого вчера сюда не доставляли ни с какими черепно-мозговыми... – в который раз повторила «приемщица».

– Тогда извините.

Больше из нее ничего не выудишь. Или я неправильно действовал, представившись милиционером? Может быть, надо было показать ей пару зеленых купюр, которыми меня также снабдил Булышев? Так я размышлял, покинув больничную территорию. Я уже перешел на другую сторону улицы, как вдруг передо мною выросли сразу трое крепких брюнетов. Один в милицейской форме. Вот пакость! Кажется, старая карга успела кое-кого предупредить... Боевой нож удобно лег в мою правую руку – я сделал вид, что закашлялся и схватился за грудь.

– Что такое, дорогой? – поинтересовался милиционер, подойдя ко мне вплотную.

Двое других окружили с боков.

– Все в порядке, – отозвался я.

– Болеешь? – не слишком добро произнес тот, что подошел справа.

– Простудился...

Старая карга-приемщица сдала меня. Теперь никаких сомнений... А вокруг дети бегают, народ куда-то движется. Неужели в людном месте придется вступить в схватку?

– Слушай, ты местный? – спросил меня милиционер.

– Нет, – честно ответил я, продолжая «держаться за грудь».

– И мы нет... Горуправление милиции ищем, не подскажешь?

Только теперь я сообразил, что одеты все трое по-дорожному и двигаются со стороны вокзала, а на плечах легкие сумки.

– Нет, не знаю, – ответил я.

На самом деле я знал, где находится милицейское здание, но продолжать разговор почему-то не хотелось. Ребята пожали плечами и двинулись к другим прохожим. Кажется, начинаю дуть на воду. Мысленно я попросил прощения у пожилой приемщицы и двинулся дальше.

Следующим был травмопункт. Здесь ситуация была точно такая же, только «приемщица» чуть помоложе и пококетливей. Тем не менее ушел я ни с чем... Надо сказать, что посещал я здравоохранительные учреждения не в номерном, а в «географическом» порядке. Попросту

обходил те, что ближе, стараясь сэкономить время на дороге. Следующей была больница номер пять, однако куда ближе находился гарнизонный госпиталь. Его я тоже не сбрасывал со счетов.

На проходной госпиталя стоял солдат-срочник со штык-ножом на поясе. Я показал ему офицерское удостоверение, сослался на дружбу с командиром полка, протянул нераспечатанную пачку сигарет.

– Мне, парень, к одной женщине надо, понимаешь?

– Понимаю, товарищ подполковник, – смущенно произнес солдат. – Но... не положено. Пропускной режим у нас. Без подписи начальника госпиталя никак нельзя.

– Вот незадача, солдат! Я из самой Чечни, с боевых только что... Мне эту женщину позарез нужно увидеть. А с начальником как раз наоборот. Кумекаешь?

– Понятное дело, товарищ подполковник, – усмехнулся караульный. – Но с меня голову снимут, сами понимаете. А хотите, я ее вызову сюда? – Солдат положил руку на трубку внутренней телефонной связи. – Как ее фамилия?

– Эх, рядовой... – только и произнес я. – Тебе ее фамилия без надобности, тебе до дембеля дослужить надо. Позови какую-нибудь ее подругу.

– Как же я подругу позову, если вы фамилию не говорите? – удивился моей тупости солдат.

– И ведь верно, – всплеснув руками, покачал я головой. – А ты просто позови мне кого-нибудь из девчат.

Не прошло и трех минут, как на проходную выпорхнула молоденькая девушка в белом халате и зеленой шапочке. Двигалась она изящно и легко, почти по-балетному, несмотря на высокий рост и не особенно хрупкое телосложение. Пожалуй, это единственное, что я отметил в ее внешности.

– Здравствуйте, отойдемте, пожалуйста. Есть разговор.

Я аккуратно взял девушку под белоснежный локоток и вышел вместе с ней на улицу. Подальше от понимающего, но строго блюдущего приказы начальства солдата.

– Вас как зовут?

– Антонина. Можно – Тоня.

– Валентин, – в свою очередь, представился я, – подполковник десантных войск.

– Сержант медицинской службы, – отозвалась Тоня.

Мне вновь предстояло действовать решительно и напористо. Но как трудно наступать на девушку с таким нежно-розовым личиком, даже если она почти одного со мной роста.

– Тоня, вчера к вам в госпиталь доставили одного человека. Молодого парня с травмой головы...

– Откуда вы знаете? – округлила свои не слишком большие глаза девушка.

У меня чуть не перехватило дыхание. Как говорится, еще не факт, но... Теперь главное – не сбиться с темпа, разговорить эту розовошекую девицу.

– Мне нужно повидать этого человека, – продолжил я.

– Нет, это никак невозможно... Александр Александрович положил его в отдельную палату, в специальный блок на втором этаже. И вообще, приказал никому об этом не сообщать... Ой!

Щеки Тони стали еще розовее, пухлые губки приоткрылись, а коротенькие бровки поползли вверх. Сержант медслужбы явно сболтнула лишнее. Впрочем, именно это мне и было нужно.

– Охрану выставили? – не снижая темпа, продолжал атаковать я.

– Нет, – полушепотом ответила Тоня.

– Ну вот видите, Тоня, даже охрану не выставили! – улыбнулся я. – Ничего серьезного. Но говорить о таких вещах действительно можно не каждому.

– А как ваша фамилия? – поинтересовалась Антонина.

– Моя фамилия Вечер.

– Ой! – вторично ойкнула Тоня. – Я, кажется, знакома с вашей женой... С Людмилой Павловной, – тут же уточнила она.

«С моей бывшей женой», – мысленно поправил я девушку. В их знакомстве не было ничего удивительного. Моя бывшая супруга имела высшее медицинское образование и, скорее всего, по сей день несла тяготы армейского здравоохранения.

– Вот видите! – произнес я. – Мне нужно повидать этого человека. Немедленно!

– Да, но Александр Александрович...

– Начальник госпиталя? Он у себя? – быстро задавал вопросы я.

– Нет, но можно позвонить...

– Тоня, я прошу вас, проводите меня в палату. А потом... Этот человек сам проинформирует Александра Александровича. Он проинформирует, не вы.

Я отдал солдату-караульному еще две пачки сигарет и вместе с Антониной прошел в здание госпиталя. По лестнице поднялись на второй этаж. Охраны у палаты и в самом деле не наблюдалось.

– Только разговаривать вам придется в моем присутствии, – категорично заявила Тоня у самых дверей.

– Что значит... в вашем присутствии?

– То и значит, – тоном, не терпящим возражений, произнесла девушка. – Я слушать не буду, могу даже уши заткнуть. Но должна видеть, что с нашим больным все в порядке.

«С вашим... больным все сейчас будет не совсем в порядке. Иначе для чего я сюда прибыл?..» Вслух я ничего не сказал. Отступать было некуда. Тоня распахнула дверь, и мне ничего не оставалось, как войти следом за медсестрой в палату.

Я узнал стриженного первым. Того самого, которого я дважды угостил своим бо по буйной головушке. Он лежал с обмотанной бинтами башкой на кушетке, в остальном же был в полном здравии и даже листал какой-то глянцевого журнала.

– Здорово, – произнес я, присаживаясь на край кровати. – Узнал, дружище?

Еще бы он не узнал. Уцелевшие зубы аж запрыгали, но стриженный сумел взять себя в руки.

– Чего не здороваешься? – спросил я, как ни в чем не бывало протягивая стриженному правую руку.

При этом, незаметно для Тони, я слегка распахнул куртку, показывая пациенту, что я при боевом арсенале. Стриженному ничего не оставалось, как пожать протянутую ладонь и выдавить из себя вялое приветствие.

– Ну вот и славно! – улыбнулся я. – У меня к тебе пара вопросов... Тоня! – повернулся я к девушке. – Вы же видите, человек узнал меня, ему ничего не грозит... Так ведь? – осведомился я у стриженного, вновь ненавязчиво и незаметно для Антонины продемонстрировав ему свое вооружение.

– Да, – кивнул он.

Весьма неглупый субъект. Оценивает людей по себе. Быстро сообразил, что, ответив он что-то иное, девица его не спасет. Противник же (то есть я) без зазрения совести завалит и ее, и его. Сомнений на этот счет у него нет.

– Ну вот, Тоня. Я очень прошу, дайте нам поговорить наедине.

– Хорошо. Но не более пяти минут, – смиростивилась сержант медслужбы. – Время я засекаю.

– Чего хочешь? – хрипло пробормотал он, когда за девушкой захлопнулась дверь.

– На Эль-Абу работаешь? – спросил я, стараясь не снижать набранного темпа.

– Такого не знаю...

С помощью ножки табурета я накрепко запер дверь. Бить раненого нехорошо. Особенно если он лежит перед тобой весь в бинтах. Но если вспомнить, что этот раненый некоторое время назад избивал стоявшего на коленях человека и грозил ему всякими интересными вещами вроде сдирания кожи и отрубания пальцев... Стриженный глухо застонал, хотя ткнул я его вполсилы, правда, весьма болезненно, по сухожилию на правой руке. При этом я не забыл проверить содержимое его карманов. Там оказалась пара одноразовых шприцев и четыре сложенных вдвое тетрадных листков, исписанных мелким неразборчивым почерком. Листки я положил в собственный карман (расшифрую, если время останется), шприцы сунул в тумбочку.

– Кто приказал захватить тех двух людей? Кому ты должен был доложить о выполнении? – обозначил я интересующие меня темы.

Стриженный сдерживал стоны, он прекрасно понимал, что, стоит ему заорать в полный голос, я не буду с ним церемониться. Однако отвечать на мои вопросы он тоже не торопился, а ведь через четыре с половиной минуты сюда явится строгая Антонина. Мне пришлось ударить его еще раз, а затем сильно надавить ребром ладони на горло. Противник захрипел, глаза чуть не выкатились из орбит.

– Урод, – полушепотом проговорил я. – Я тебя на ключья порву прямо здесь!

Бандит хрипел так, что пена на губах появилась, и тогда я убрал руку.

– Хашим его зовут. Ну, того, кто нанял меня...

– А ты с ним на контракте?

– Я отсюда сваливаю, – замотал головой наемник. – К шайтану все это.

– Правильно сделаешь... Сидел раньше?

– Да... За сбыт наркотиков и разбой. Только освободился, Хашим меня и подцепил.

– Где мне найти Хашима?

– Надо тебе это? Он ведь не я.

– Вопрос повторить? – Я вновь поднес правую руку к его горлу.

Не прошло и минуты, как стриженный сообщил в подробностях, каким образом можно выйти на Хашима.

– Благодарю, – произнес я. – Но если ты меня обманул, то... Не обижайся, но для надежности мне еще кое-что от тебя нужно!

Я быстрым движением достал из сумки-банана видеокамеру.

– Говори внятно. Такого-то числа я в составе банды из четырех человек совершил нападение....

Далее стриженный должен был коротко, но подробно описать вчерашнее боестолкновение. А также указать имя заказчика.

– Э, слушай... – застонал было бандит.

На сей раз я ударил его по ножному сухожилию, причинив немалую боль.

– Я с тобой по-человечески, – вежливо проговорил я. – Если не обманул насчет Хашима, кассету я уничтожу. И тебя больше терзать не буду. Мой совет – через пару дней башка заживет, сваливай отсюда. Включаю, говори!

Последнее слово я сказал с совершенно другой интонацией. И стриженный заблеял подробности вчерашней переделки, подчеркивая при этом, что лично он никого не убивал.

– Замечательно, – произнес я, убирая видеокамеру. – Желаю скорейшего выздоровления!

– Уже поговорили? – спросила Тоня, увидев, что я покидаю палату.

– Так точно. Александр Александрович будет проинформирован, – сообщил я девушке.

Тоня заглянула в палату, убедилась, что стриженный цел и невредим, а потом проводила меня до проходной.

– Ваша жена мне о вас рассказывала много хорошего... Да и мне показалось, что вы хороший человек, – спускаясь по лестнице, сказала Тоня.

– И что же? – поинтересовался я, чуть замедлив шаг.
– Почему же вы... разошлись? – розовея всем личиком, спросила Тоня.
Она оказалась любопытной, как большинство девушек.
– Разошлись, – пожал я плечами, констатируя факт. – И хорошие люди расстаются.
– По-моему, это неправильно, – минуя последнюю ступеньку, возразила Тоня. – Хорошие люди не должны расставаться.
– Не должны, но расстаются, – продолжил я констатацию очевидных фактов.
– Еще к нам зайдете? – спросила Антонина уже у самого солдатского поста.
– Не знаю, как сложится, – честно ответил я и попрощался с девушкой.
Теперь моя дорога лежала обратно, на квартиру Булышева.

Многое говорило о том, что сложится все именно так, что в госпиталь мне придется вернуться. Надеюсь, не в качестве пациента. Уж очень заинтересовал меня начальник госпиталя, Александр Александрович, полковник медицинской службы и сердечный приятель нарконаемников. Я почти ничего не знал о нем, кроме вполне положительных данных, что ранее военный медик служил в «горячих точках» – Афганистане и Чечне... Интересно, что рассказывала моя недавняя супружница этой Антонине? Самое смешное, что Людмила и в самом деле была неплохой женщиной... Вспоминать свою трехлетнюю семейную жизнь мне не захотелось, к тому же я вспомнил про изъятые у «бойца» сложенные вчетверо тетрадные листы. Развернув их, я увидел, что на первом листе крупными буквами написано «оглавление» дальнейших записей. Оно было следующим:

1. Уничтожение личного состава армии, милиции, Федеральной службы безопасности в местах их дислокации.
2. Диверсии на авто– и железнодорожных магистралях.
3. Захват и уничтожение линий телефонной связи (воздушной и подземной), центральных узлов связи и радиостанций.
4. Диверсии против энергетических сетей и электростанций.
5. При первой же возможности – уничтожение (хотя бы частичное) центрального штаба федеральной группировки.
6. Уничтожение или захват транспортных средств (как военных, так и гражданских).
7. Уничтожение связных и агентов противника, а также сочувствующих.

На остальных страничках все семь пунктов были расписаны мелким корявым почерком. Выходит, боевик таскал с собой что-то вроде шпаргалки. Я прочитал пару пунктов. Ничего нового, все это я проходил в стенах Рязанского десантного, а затем в специальном учебном центре ВДВ. Однако ну и задачи у местной наркомафии – диверсии против энергосетей и электростанций! Дочитать «шпаргалку» я не успел, так как послышался отрывистый звонок в дверь. Для Булышева рановато, к тому же он должен был предварительно позвонить на мой мобильный.

– Что вам нужно? – спросил я, на всякий случай не подходя к дверям вплотную и держа наготове боевой кинжал.

Легче всего было бы сперва посмотреть в дверной глазок... И получить пулю в собственный глаз.

– Я к вам по вопросу ремонта, – послышался за дверью незнакомый хриплый голос, явно принадлежащий немолодому, не слишком здоровому человеку.

– Вы ошиблись квартирой, – громко ответил я.

– Да? – удивленно отозвался неизвестный. – Здесь проживает семья Климовых?

– Нет.

– Ну тогда извините...

За дверью слышались короткие шаркающие шаги, затем шум отъезжающего вниз лифта. Я тут же метнулся к кухонному окну. Со стороны кухни прекрасным образом просматривался и подъезд, и весь прилегающий двор. Не прошло и минуты, как из подъезда вышел старик. Он был неважно одет, отчетливо была видна седая борода, однако двигался он на сей раз быстро, отнюдь не шаркающей походкой. Старик подошел к «Жигулям», заглянул внутрь, но садиться не торопился. Кажется, он что-то произнес сидящим внутри. Есть ли кто в машине, мне было не видно. Затем старик облокотился о багажник машины. Достал сигарету... О чем мог быть возможный разговор? «Он дома. Дверь не открывает... Осторожный, падла. Надо подтянуть еще пару наших»?! Закурив, старик бросил быстрый взгляд в сторону моих окон. Я, разумеется, скрывался между плотными шторами, однако старик усмехнулся. Разгадывать подолгу шарады и кроссворды я не имею обыкновения. Поэтому я осторожно открыл входную дверь, убедился, что на площадке никого нет, и двинулся вниз. На мою удачу, на площадке второго этажа имелось окно. Им-то я и воспользовался, чтобы выйти на заднюю, не просматриваемую стариком часть двора. Теперь я имел возможность подойти к незванным гостям с тыла...

Старик меня не видел. Непринужденно курил, держа в карманах обе руки. Машина его была пуста... Если, конечно, пассажиры не залегли на сиденьях в ожидании меня. Я мысленно прикидывал дальнейшие действия, и тут старик резко обернулся. Разумеется, я скрывался за единственным возможным укрытием – наваленными одну на другую коллекторными трубами. Тем не менее старик вновь усмехнулся, явно заметив меня. Не вынимая рук из карманов, он выплюнул сигарету и хрипло скомандовал:

– Выходи, парень, выходи! Я знал, что ты выйдешь сам!

Еще секунда, и боевой нож должен войти старику в грудь. У меня нет времени выяснять, насколько хорошо он стреляет, не вынимая при этом рук из карманов.

– Ладно, Валентин! Поломали комедию и будет! – услышал я в этот момент знакомый голос, принадлежащий Булышеву.

Я не мог понять, откуда слышится голос. Тем не менее говорил... старик. Он вынул из кармана обе руки и вытянул их вперед открытыми ладонями.

– Ну, как мой грим? На «Мосфильм» возьмут?

– Вполне, – только и произнес я.

Мы сидели на кухне конспиративной квартиры и пили чай.

– Меня явно «засветили», если найдут, как минимум застрелят... – невесело усмехнулся снявший стариковскую бороду Вячеслав Иванович. – Вот и транспорт пришлось сменить, – кивнул он за окно, где вместо джипа стояли избороздившие не одну трассу «Жигули».

Я кивнул головой, а потом рассказал Булышеву о своих сегодняшних разведмероприятиях. И показал сделанную мною видеозапись.

– Даже не знаю, что и сказать, – выждав паузу после просмотра записи, заговорил Булышев. – С одной стороны, браво, Валентин Денисович! И этот стриженный у нас теперь на крючке, если не сбежит, конечно... Но, с другой стороны, ты слишком рано «засветился», Валя. Девочка-медсестричка знает о тебе. Язык за зубами не удержит, проинформирует Сан Саныча... Вот от него я такой падлы не ждал.

– Стоящий мужик?

– «Афганец», орденосец. В Чечне наших спасал... Но тебе я верю. Кое-какие данные и раньше просачивались.

– Какие данные?

– Что в госпитале лечатся не только военнослужащие... Но, повторяю, ты поторопился со своей расшифровкой.

– Зато мы знаем человека, заказавшего ваш захват. Это Хашим, он держит связь с боевиками через бильярдную при местном «Замке развлечений».

– Ты собираешься отправиться туда? А ведь если ты «засвечен», то тебе там гарантирован теплый прием.

Я собирался высказать возражения, в том числе такие, что не один Булышев может кардинально менять внешность, но в этот момент послышался звонок в дверь. Точнее, два отрывистых, явно «конспиративных» звонка.

– Что угодно? – повторяя мой маневр, Булышев не торопился подходить к глазку.

– Вечер наступает, а гвоздей нет! – раздалось из-за двери.

– Можно открывать! – усмехнулся я.

Прибывший – невысокий, шупловатый на вид парень – был не кем иным, как гвардии капитаном Женей Малышевым, с производным от фамилии (а заодно и от внешнего вида) позывным Малыш. В нашей пятерке он отвечал за минно-подрывные акции.

– Где остальные? – после приветствий поинтересовался Булышев.

– Здесь, в Изгорске, – кивнул Женька. – Чабан прибыл утренним рейсом, Рита дневным. Чабан успел снять квартиру.

– Лихо, – одобительно произнес Булышев.

Я молча, не без удовлетворения, усмехнулся. Как и в былые годы, Афганская пятерка действовала быстро и оперативно. Однако надо воздать должное и Булышеву. Не прошло и двух суток, как он сумел собрать всех.

Точнее, почти всех. О Кентавре, Мише Никандрове, было пока не слышать... Малышев прошел на кухню, вместо чая попросил крепкого кофе... Что же, пришло время рассказать, что такое Афганская пятерка и откуда она взялась. Почему именно к нам за помощью обратился полковник центрального аппарата ФСБ.

Афганская пятерка

Гвардии майор Сергеев, он же отец-командир, он же Максимыч, он же Чабан, он же К43-1. Это такой радиопозывной командира разведывательно-диверсионной группы. И по документам он так числится. У остальных боевые псевдонимы, они же позывные. Я, например, Странник. Возможно, из-за того, что имею худощавое, не слишком десантное телосложение. Компания у нас что надо, изысканная – Мясник, Кентавр, Росомаха, Гусяр, Шершень. Еще есть Факельщик, Клаус, Темень (он же Брезент – шифровальщик группы) и Малыш. Все мы выпускники отдельного учебного центра ВДВ. Центра по подготовке командиров подразделений специальной разведки. Среди нас только офицеры и прапорщики. Представьте себе армейское отделение из одних офицеров! И командует отделением не сержант, а майор. Сходные подразделения есть только в ФСБ. Нас отобрали после целой серии специальных тестов и проверок. Все имеют опыт службы в десанте, не один десяток прыжков. Многие окончили спецфакультет (со знанием иностранных языков) Рязанского десантного училища. И все, кто в подразделении Сергеева, крещенные, православные. Меня Яков Максимович лично в храм отвел.

– На смерть иной раз идем, – говорил он. – А как я могу человека, не принявшего святого крещения, на смерть посылать?

Следил, чтобы каждый из нас по возможности посещал литургию, причащался и исповедовался...

Вообще, майор был не любитель лишних разговоров и если что говорил, то по делу. Иной раз озадачивал, чуть ли не смешил своими фразами.

– Раз надел камуфляж – запомни! В твоей нынешней жизни только два неприкосновенных человека – твоя мать и... твоя баба...

Так и произнес майор, он же К43-1. Вроде и не пил. Не «любимая женщина», не «жена», а «твоя баба»... И замолчал, очи свои ясные веками прикрыв.

– Ты – боец спецназа ВДВ, и невыполнимых приказов для тебя нет... – продолжил майор, слегка прищурив правую, покалеченную, бровь. – Но эти люди неприкосновенны... Даже если будет приказ.

– А что... – невольно сглотнув, проговорил я. – Может быть такой приказ?

– Может. – Теперь глаза моего отца-командира открылись полностью и смотрели не мигая.

Позже я узнал, что кружку разведенного спирта Чабан принял. Делал он это редко, пьяным и особо говорливым его никто не видел.

К чему клонил тогда майор, я лишь потом понял. После Москвы 93-го года. Других меж-региональных конфликтов. Мы тогда совсем молодыми были. Точно предвидел все Яков Максимыч. Любой приказ может быть... Мяснику и Малышу в этом плане легче – они детдомовцы. Всего одна неприкосновенная персона у них. Впрочем, у Малыша, судя по всему, и ее нету. Он женщин сторонится, остерегается. В Малыше росту и ста шестидесяти пяти не наберется. Однако в рукопашной серьезен, даже супротив меня. Руки у него жилистые, силы необычайной и бьет резко, молниеносно. А если не руками, так зубами порвет.... Детдомовец – за спиной НИЧЕГО. Впрочем, у меня тоже не так уж много.

– Баба – это... – Отец-командир вновь прикрывает глаза. Молчит некоторое время. – Баба – это все... – произносит наконец и теперь уже замолкает надолго. Смотрит в землю, на рубленом лице ни одна мышца не дрогнет, кулаки с отбитыми костяшками словно в колени вросли.

Окаменел отец-командир, он же К43-1. Не мастак он проповеди толкать.... Мало кто видел ту фотокарточку, что майор в кармане таскает. Мы с Кентавром как-то случайно в кунге застали майора. Сидел точно так же, точно камнем оборотился, и карточку ту черно-белую перед глазами держал. А на карточке женщина – в летнем платье, с зачесанными назад волосами. Не худенькая, не полная. Что красавица, не скажешь, но приятная, милая. Одно слово – баба. А для майора это слово святое. Вот таков он, наш командир. Чабан. Откуда такой позывной у майора, никто не знал и не спрашивал. А то получишь ответ – «Потому что вас, баранов, пасу». Бывал иной раз Сергеев несдержан на язык, но говорил всегда по существу.

– Ваша задача – самим выжить, своих бойцов сбережь. И задание выполнить, – говорил он, натаскивая нас.

– А бывает так, Яков Максимович? – спросит иной острослов.

– Редко, – отвечал Чабан. – Вот вы этой редкостью и должны стать.

У Чабана голубые, скорее даже синие глаза. Большие, точно девичьи. Но взгляд жесткий, мужской. Скулы широкие, монгольские: видать, много кровей в Чабане намешано. Выглядит моложе своих лет (сейчас Сергееву уже за пятьдесят). А голос совсем не командирский, не гвардейский. Точно не командует он нами, а по-товарищески обращается...

Видно, из-за голоса он так в майорах и увяз. С такой интонацией в полковники (тем паче в генералы) не берут. Даже ругает нас по-отечески, без зла, но с огорчением...

А стали мы «единым целым» в начале девяностых годов, почти сразу после выпуска из учебного центра.

– Вам предстоит выполнить боевую задачу по освобождению наших граждан.

Чабан молча слушает генерала. Мы тоже молчим. О том, что афганские моджахеды вторглись на территорию Таджикистана и захватили российских граждан, мы уже знали. Это были четыре женщины – жены российских офицеров-пограничников, журналистка из Санкт-Петербурга, а также ефрейтор погранвойск, которому поручили охрану журналистки и остальных.

– Вы ведь отлично знаете этот район? – Генерал тыкает карандашом в лесисто-горный участок на карте.

– Да, – кивает Чабан. – Но у вас не совсем точная карта.

Генерал с ответом не торопится. Он хоть и при лампасах, но мужик умный. Понимает, что Чабану лучше эта местность известна. Он не одну ее, карту, самолично от руки нарисовал. Потому как воевал в Афганистане (тогда ДРА) с середины восьмидесятых. Майор Сергеев достает из планшетки собственную карту, протягивает генералу, начинает объяснять своим негромким, обстоятельным голосом. Генерал слушает молча, вопросов не задает. И в самом деле, неглупым мужиком оказался.

– Это реально, Яков Максимович? – спросил не по-уставному генерал, когда Чабан закончил излагать свой план.

– Я не камикадзе, эти ребята тем более, – кивнув на нас, произнес майор Сергеев.

– Ну тогда добро! – уж совсем не по-уставному генерал хлопнул Чабана по плечу.

«Добро», оно и есть «добро». На карте. По счастью, имелся у нас один плененный накатун «дух», который видел, куда увезли заложников. Впрочем, Чабан сам вычислил возможное место их «укрытия». Главаря он знал давно и базы его без всякой карты, ночью с завязанными глазами нашел бы.

– Ребята, мы выдвигаемся добровольно. Если кто-то себя плохо чувствует, может остаться.

Даже в такие минуты Чабан старался никого не унизить. «Плохо себя чувствует». Иными словами – малодушничает. Но у наших ребят со здоровьем полный порядок.

– Тогда смотрите и запоминайте. – Чабан возвращается к карте.

Среди нас на тот момент, кроме Чабана, в Афганистане были Кентавр да Факельщик – капитан Леня Романенко. Остальные, в том числе и я, по возрасту не успели. Единственное, что печалило Чабана, это то, что мы не успели отрастить полноценные бороды. Там, за речкой, все мужики с бородами. Не бутафорские же клеить. Но экипировались мы под местных моджахедов. Не то что похожи на них стали, скорее гайдамаки какие-то получились. Но не в десантном же камуфляже идти. Чабан относительно неплохо знал дари, а также пару фраз на пушту.⁵ Я знал английский в пределах училища, у остальных та же картина... Границу перешли где вплавь, где по-пластунски, не поднимая головы, ранним утром, пока еще не рассвело. Наши обеспечили отвлекающий маневр с помощью артиллерии и осветительных ракет, оттянув на себя возможные силы моджахедов. Когда окончательно рассвело, мы были уже на территории. До базы оставалось километров пятнадцать, однако преодолеть их предстояло по голому шоссе. Тут на нашу удачу шпарит «Нива». Кто в ней, мы не знали. Может, мирные крестьяне, а может, и не совсем мирные, и даже совсем не крестьяне... Эти ребята много нашей техники у себя оставили. Были у моджахедов и «Жигули», и «Москвичи», не говоря уже об «уазиках»-таблетках. Только вот останавливаться «Нива» не желала. Чабан лично дал очередь, прострелил колеса... Водитель и два пассажира пытались выскочить и отстреляться, но были уложены рядом с автомобилем. На мирных крестьян эти обвешанные боевым оружием бородачи были мало похожи. Казалось бы – для чего нам покалеченный лимузин? Чабан велел убрать трупы. Свой автомат спрятал, но приготовил к бою «стечкин» без приклада. Отвинтил пробитое колесо, мне велел встать рядом. Сам оперся на капот, незаметно держа свой «стечкин» в боеготовности.

– Так и сиди! – сказал мне Чабан. – Как стрельба начнется, откатывайся вон в тот кювет и головы не поднимай... И не робей! Стрельба будет, но недолго.

Я лишь бодро усмехаюсь. У меня тоже имеется пистолет, но руки заняты колесом. Я его вроде как ремонтирую... Остальные ребята – Факельщик, Кентавр и Малыш – залегли в укрытие.

Около часа я вертел колесо туда-сюда, гладил и похлопывал черную отечественную резину, ковырялся пальцами в пулевых пробоинах. Чабан стоял, облокотившись на капот,

⁵ Дари и пушту – два официальных языка Афганистана. Дари также носит название фарси-кобули.

лишь изредка меняя положение ног. Наконец он подал условный знак всей группе – кашлянул и слегка ударил ногой по бамперу. Это означало, что Чабан раньше нас услышал шум двигателя приближающейся машины. Я вновь начал теревить колесо. Пистолет я вытащить не успею, это точно. До кювета около трех метров. Если не бросят гранату, успею... Не прошло и минуты, как рядом с нами затормозил обшарпанный армейский грузовик. Гортанно, с местным акцентом, Чабан что-то крикнул на дари. Из машины медленно вышли трое вооруженных людей. Сколько осталось в кузове?! Чабан начал было произносить речь, и тут прозвучали выстрелы. Я успел отпихнуть колесо в сторону моджахедов и откатиться к спасительному кювету... Успел упасть на дно и выхватить пистолет. Однако выстрелы уже смолкли, а секунд через пять послышался голос майора Сергеева:

– Валентин! Ты цел?

Я осторожно приподнял голову, держа наготове оружие. Однако стрелять из него уже не требовалось. На все про все ушло секунд тридцать. В кузове оказалось еще трое боевиков. Выстрелить успел лишь один. А еще одного мы сумели взять живым. Застрелив двоих, Чабан одним прыжком накрыл третьего и сумел обезоружить.

– Четыре женщины из-за речки и пацан. Где они? – на дари, но без местного акцента начал допрос Чабан.

Факельщик при этом выразительно лязгнул затвором и дернул ствол к самому виску допрашиваемого. Лейтенант Малышев вытащил боевой нож, проделал резкое, звучное движение, разрезающее воздух. Афганец что-то поспешно залопотал. Чабан несколько раз останавливал его, просил говорить внятнее и медленней.

– Они на соседней базе, – выслушав пленного, произнес Чабан. – Придется ехать в другую сторону. Километров двадцать на север.

– А если врет? – прогудел капитан Романенко.

– Нет. Он слишком подробно все изложил... Врал тот, которого давеча взяли.

Нам и в самом деле ничего не оставалось, как поверить пленному на слово. Вот только что делать с ним дальше? У Чабана на этот счет сомнений нет.

– За нами четыре женщины и восемнадцатилетний парень, – произнес Чабан, обращаясь к молодняку, то есть ко мне и Малышу. – Если мы отпустим «языка», он рванет в соседний аул. Там может быть телефон, радиостанция... Любая связь! Нас будут ждать, да и с заложниками церемониться не станут! Валентин, это сделаешь ты!

Мне ничего не оставалось, как выполнить приказ. Рука моя не дрогнула, и афганец не мучился... Я тоже, но вспоминать об этом первом «опыте» не люблю до сих пор. Главное было спасти женщин и пацана. Схема второй базы, по счастью, была известна Чабану не хуже первой. Медлить было нельзя. Предварительную разведку Яков Максимович провел лично, оценив на глаз, что ворота базы хлипковаты и их вполне можно взять на таран, не беспокоясь за карбюратор. За руль Чабан сел сам. Рядом поставил захваченный у моджахедов станковый пулемет...

Ворота и в самом деле удалось снести одним мощным ударом. Мы влетели во двор. Скоротечный бой с ошарашенными боевиками, и мы с Кентавром и Малышом оказываемся в так называемом штабном помещении. Его Чабан заранее обозначил на схеме, и мы нашли его быстро. Наставляем автоматы на находящихся там людей, в том числе на двух женщин. Не проходит и минуты, как к нам присоединяется Чабан. Все на том же дари успокаивает захваченных. Малыш (его армейская специальность – сапер-фортификатор) между тем быстренько минирует помещение и два входа. Я осторожно выглядываю за окно, стараясь при этом быть незамеченным. Выстрелов не слышно, все попрятались. Лишь четыре тела лежат неподвижно. Трое моджахедов и Факельщик, гвардии капитан Романенко. Я машинально думаю, что этот грязный истоптанный двор – последнее прибежище Леонида. Тело его мы забрать не сможем... Счет один к пяти. Прости, Факельщик. Отодвигаюсь от окна и оглядываю захваченных. Лицо

одного знакомо – не последний человек в штабе моджахедов. Чабан что-то быстро написал на листе бумаги, выбрал одного из пленников, велел отнести тем, кто во дворе, за укрытиями.

– Придется ждать, – говорит нам Чабан. – По-моему, обмен эквивалентен.

Чабан не только боец, но и дипломат-переговорщик. Нам и в самом деле есть что менять. Я оглядываю женщин. На служанок, обслугу они не похожи. Явно жены или близкие родственницы верхушки. Чабан рассчитал все точно. Таких, по-наглomu протаранивших ворота и рванувших напрямик в штаб, таких нас не ждали. Нас ждали с воздуха, окружив базу «стингерами». Возможно, ждали на броне или в качестве коварных мирных визитеров с белой тряпкой... Не прошло и десяти минут, как вернулся тот, которого мы отпустили с ультиматумом. Он заговорил по-русски, довольно чисто:

– Обмен будет... Но сначала отпусти наших женщин.

– Нет, бача,⁶ – покачал головой Чабан.

– Тогда обмена не будет, – жмет костлявыми плечами «бача».

– Значит, придется взрывать... все и всех. Понимаешь, бача?

«Бача» лишь кивает и вновь уходит. На этот раз мы ждем его почти полчаса. Нас явно окружают, моджахеда хотят выиграть время, подготовить нам какую-то хитрую ловушку.

– Мы согласны! – заявляет вернувшийся «бача». – Ваших людей мы посадили в автобус. Можете забирать их и уезжать.

Чабан кивает мне – сходи посмотри. Мне не остается ничего другого, как идти вместе с «бачей». Проходим мимо тела Лени Романенко. Сердце начинает биться сильнее, спазм подкатывает к желудку. Я справляюсь с собой, подхожу к микроавтобусу. В самом деле – четыре русские женщины, совсем молодые, и пацан в камуфляже. Автобус невелик, кроме водительского места, свободны еще три. В этом-то и весь фокус. Теперь нам просто некуда будет посадить наших заложников.

– Вы за нами? – спрашивает одна из женщин.

Голос ее тих, спокоен. Вообще, все пятеро выглядят не так уж и плохо. Их явно держали для обмена. Но не нашего, а на ту партию наркотиков, что наши пограничники перехватили пять дней назад. Цена ей не один десяток тысяч долларов.

– Да, сейчас осматрю машину, и поедем, – как ни в чем не бывало отвечаю я и даже пытаюсь подмигнуть.

Бак полный, следов минирования по первому взгляду не видно. По первому...

– Можете забрать своего убитого, – подливает масла в огонь «бача».

Я, не задумываясь, мотаю головой. Уверен, Чабан принял бы точно такое же решение. Места в машине не хватает для живых.

– Как хотите, – произносит «бача» и усмехается.

В этот момент я готов снести ему башку.

– Бача! – говорю я. – Еще транспорт какой имеется?

Тот кивает в сторону. Около забора стоит выдавший виды велосипед. Дорожный, опять же отечественного производства. Пощупав шины, я хлопаю «бачу» по спине:

– Годится!

Первым выводим самого старшего из штабных. Сажаем на багажник, приматываем руки к седлу.

– Особо не разгоняйтесь. Отрыва быть не должно! – говорит Кентавр.

Ему предстоит быть велосипедистом. Малыш еще раз осматривает автобус. Потом выводим своих «заложников», сажаем их на сиденья, нашим женщинам приходится лечь на пол. Так безопасней. Автобус набит под завязку. Освобожденный солдат-срочник получает в руки «калашников» и ложится у самого входа. Я сажусь на сиденье, рядом с женщинами. Они мой

⁶ Бача (афг.) – мальчик, парень.

живой щит. У обоих связаны кисти рук и завязаны глаза. Рядом располагается Малышев. Чабан вновь садится за руль...

Двигаемся мы медленно, не давая отставать Кентавру со штабным. Нас не преследуют, но расслабляться нельзя. Доехали почти до самой границы, как вдруг заметили парящую в небе «вертушку» с очертаниями транспортного вертолета. Вышли на связь – в самом деле, наши прислали эвакуаторов. Выбрались из автобуса, попрощались с «попутчиками». Во время посадки с одной из женщин случилась истерика. Держалась, видно, из последних сил, а тут прорвало. Или у нее давняя боязнь летательных средств была. На веревочную лестницу ни в какую – рыдает, мне на шею бросается. Чабан без лишних разговоров дал ей увесистого пинка по мягкому месту, оторвал от меня, а вторым таким же пинком загнал на веревочную лестницу. Не знаю, как бы отреагировал на это ее муж-пограничник, будь он рядом... В вертолете разместились опять же как сельди в бочке. Взлетели, двинулись на свою территорию, и вдруг...

Сильный удар в левый бок и яркая вспышка за стеклами. Никак «Стингер» или «Нурс» настиг-таки нас. Не могут нас просто так моджахеды отпустить, а разведка и организация засад у них не хуже, чем у нас, поставлена. Слава богу, кое-как сели. Я и Чабан выгрузились первыми, заняли оборону. В вертолете на этот случай и пулеметы имелись, и гранаты... А вот сколько продержимся и как наши женщины отойдут? Но, поскольку до границы было рукой подать, наши на свой страх и риск выдвинулись к нам на подмогу. В том числе пара боевых «вертушек». Теперь моджахедам жарко пришлось. Наши, из батальона ВДВ, подошли вплотную. Своими телами прикрыли заложниц, обеспечили «эвакуацию». Женщины больше не психовали, ползком отходили к речке, где ждал их спасительный плот-паром. У нас же летчика одного убило, второго ранило. Мне чиркнуло по щеке. Слегка, но кровищи полно. И тут кто-то схватил меня за плечо. Не то чтобы схватил, а точно обнял.

– Вы ранены! Я вас перевяжу! Сами двигаться можете? – зажурчал над самым моим ухом девичий голосок.

– Ты кто? – только и спросил я, разглядывая невесть откуда взявшуюся девушку.

Она была одета в десантный камуфляж, каштановые волосы с помощью заколки аккуратно собраны на затылке.

– Рита, – ответила девушка.

Получилось у нее как-то нараспев: «Ри-и-та». Как ее только занесло в это пекло!

– Да цел я! – не очень-то вежливо рявкнул я, вытирая кровь со щеки.

– Все, Валентин, отходим! – послышался рядом голос Чабана.

Он только что получил по радиии сообщение, что паром с заложницами уже на нашей территории. «Вертушки» прекрасным образом обеспечили отход, и мы двинулись к границе. Только теперь я заметил, что Чабан непривычно бледен, а его левая нога обмотана бурым бинтом.

– Чего смотришь? Зацепило, перевязался как мог, – объяснил Чабан.

Голос его был хрипл, непривычен. Повязка все более и более набухала. Мне ничего другого не оставалось, как подхватить командира.

– Вам нельзя, я сама! – тут же подскочила к нам девушка с распевным именем Р-и-и-та.

– Спятила, дочка?! – только и произнес обессиленный от потери крови Чабан.

Тем не менее Рита подхватила майора, попыталась даже взгромоздить на свои не слишком могучие плечики.

– Слушай, Рита, или как там тебя?! – произнес я. – Кликни кого-нибудь из парней.

Однако рядом с нами никого не было. Я держал теряющего сознание и кровь Чабана с одной стороны, девушка с другой.

– Вы же ранены! – вновь произнесла девушка, глядя на меня своими ясными светлыми глазами.

К сожалению, у меня в тот момент не нашлось иных слов, кроме крепких и непечатных. Однако девушка даже глазом не моргнула. Так вдвоем мы дотащили Чабана почти до самой речки...

– Ты это... Извини меня, – произнес я, когда мы уже были на своем берегу.

– Да ладно, – махнула рукой Рита.

– Как тебя сюда занесло? – спросил я.

– Обыкновенно, после медучилища, – ответила она.

– В госпитале бы могла работать. Подстрелят...

Я сказал ей это, потому что не мог не сказать. Ведь и в самом деле подстрелят девчонку, а ей только двадцать лет, никак не больше.

– А товарища своего один бы тащил? – в свою очередь, перешла на «ты» Рита. – Сознайся, ведь не справился бы.

– Куда уж без тебя! – усмехнулся я в ответ.

– Все-таки пойдем в медпункт! – настойчиво произнесла Рита. – Рана хоть и не опасная, но... Укол от заражения надо сделать.

Мне ничего не оставалось, как повиноваться.

Чабан пролежал в госпитале почти две недели. Командование в лице неглупого генерала высказало нам устную благодарность. Однако к наградам нас представлять не торопились. Кто-то из «лампасных», сидящих на самом верху, признал нашу акцию авантюрой. Ко всему прочему, мы невольно спровоцировали боевые действия на территории соседнего государства. Это очень не понравилось кому-то из дипломатического ведомства. Единственное, чего удалось добиться, это представление к боевому ордену капитана Леонида Романенко.

– Что за девица меня выволокла? – спросил Чабан, когда уже выписывался из госпиталя.

– Я же вам рассказывал. Звать Рита, служит в соседнем ДШБ⁷ санинструктором, – напомнил я.

– Теперь у нас будет служить. Я думал, такие девчата только в Великую Отечественную были...

– Не тяжело ей у нас придется?

– Эх, Валентин. Я кое-какие справки навел. У этой Риты первый разряд по парашютному спорту, второй по стрельбе. Справится! Нам без своего медработника иной раз никак!

О Рите Аржанниковой можно рассказывать долго, на целый роман хватит. И про то, отчего личная жизнь не сложилась, и как моталась она с нами от Приднестровья до Бамута... Скажу только одно – без всяких скидок Рита стала настоящим бойцом спецназа. Приходилось ей и стрелять, и людей спасать, и саму ее один раз зацепило. Не сильно, по счастью...

Так вот и сложилась наша Афганская пятерка. Чабан не случайно сформировал разведгруппу таким образом. Опытный минер – Малышев, снайпер и метатель ножей – Кентавр, медработник с отличной огневой и физической подготовкой – Рита, и я, Странник, – неплохой стрелок, рукопашник и парашютист, правая рука Чабана. И за нашими плечами не одна «горячая точка» бывшего СССР. Бывали и за границей, в Югославии и еще кое-где... Перед зачислением в подразделение Чабан уединялся с каждым из нас и проводил беседу. А в ее конце пересказывал своими словами древнерусскую былинку о богатыре Добрыне Никитиче. Смысл рассказанного Чабаном сводился к одному – добрым надо быть с человеком, а не со змеей. Так мать Добрыни говорила. В былинке события разворачивались следующим образом. У Добрыни Никитича вышел конфликт с семиголовой Змеей Горынищей. Добрыня довольно быстро овладел инициативой и пару раз крутанул змеюку и ударил ее оземь. Еще пару раз крутануть и ударить, и Змее настал бы конец, но змеюка заговорила человеческим голосом:

⁷ ДШБ – десантно-штурмовой батальон.

– Вспомни свою мать, богатырь, она тебя Добрыней назвала! Сделай добро моим змеенышам, не оставляй их сиротами. Я же в землю русскую больше летать не стану.

Добрыня пожалел змеенышей и поверил змеиному обещанию. Вернулся в Киев-град, рассказал матери, что с ним было. Тут-то Анфимья Александровна сыну и сказала, с кем добрым нужно быть. Змея Горыныще, выражаясь современным языком, положила на уговор с Добрыней, как говорится, с прибором. Пока богатырь ехал в Киев чистым полем, Змея над Киевом пролетела и унесла княжескую племянницу. Ничего не оставалось Добрыне, как вновь сесть на коня и ехать разбираться со змеюкой. Разговор получился серьезный, Змею богатырь насадил на копьё, а его конь нещадно перетоптал всех расплзшихся по округе змеенышей. Потом Добрыня освободил и княжескую племянницу, и великое множество других узников, томящихся в Горынычевых зинданах. Впрочем, на Руси тогда слова такого не знали. Вот и мы со змеями всякими добрыми не будем, какие бы слова они нам ни говорили. Права такого не имеем. Но при этом задача наша, задача спецназа ВДВ, не только воевать. Наша задача – гасить конфликт, гасить жестко, без сантиментов и вздохов, таким образом устанавливая мир и спокойствие. И мы это умеем. Хороший пример – Приднестровье. Там в нашу задачу как раз и входило разъединить и замирить две не на шутку развоевавшиеся стороны. Делали мы это следующим образом. Например, поручают охрану Дубоссарской плотины. Поручают нашей отдельной спецроте под командованием Чабана. А плотину эту имеют горячее желание взорвать обе стороны. Обоим она почему-то стала поперек горла. Сначала говорим с приднестровскими ополченцами. Говорим жестко: мол, ребята, мы хоть и на вашей стороне, но гайдамачить⁸ вам не позволим. Те криво усмеваются, но соглашаются. Затем берем белую тряпку и идем на разговор с молдаванами. Пьем с ними крепкий чай без сахара и не менее жестко объясняем, что все вооруженные группы, которые попытаются приблизиться к плотине, будут уничтожены. Те тоже кивают, мол, никаких возражений, нужна нам эта плотина... Как выясняется, нужна! И те и другие привыкли, что все на уровне разговоров под белой тряпкой и остается. Кое-кто лихой все же решился, вопреки обещаниям своих командиров, просочиться и заминировать плотину. Только у нас был свой оригинальный метод борьбы с диверсантами. Эффективный и остроумный. Наши умельцы под руководством Чабана изготовили специальное подъемное устройство – блок на веревках, на котором засели несколько человек с бесшумными пистолетами. И как только замечали, что диверсанты пытаются приблизиться к плотине, затаившиеся внизу наблюдатели дергали за веревку, стрелки на блоке взлетали в воздух и открывали точный бесшумный огонь по непрошеным гостям. Те поначалу не могли в темноте разобраться, откуда стреляют, а как только приходят в себя, наблюдатели отпускают веревку, и блок с десантниками опускается за надежное бетонное укрытие. Взорвать плотину пытались всего три раза, а потом бросили это дело. И каждый раз в мою «дежурную смену». Два раза я был на блоке, один раз в качестве наблюдателя и тягловой силы.

Потерь, «двухсотых» и тяжелораненых, среди нас не было. Но вот уволился по возрасту и ранениям Чабан, и нашу славную разведгруппу расформировали и раскидали по разным подразделениям воздушно-десантных войск. И ничего здесь не попишешь – служба есть служба.

К концу девяностых годов настоящих боевых «афганцев» в ВДВ осталось совсем немного. А сейчас и того меньше. Мы были одними из последних, кто участвовал в боевых действиях «за речкой».

– Знаешь, что самое страшное? – спросил меня Чабан тогда, как только вышел из госпиталя.

«Позор, проклятие посмертное...» – мысленно гадаю я, но вслух ничего не произношу.

– Самое страшное, Валентин, это погибнуть от СВОИХ, – проговорил майор Сергеев.

⁸ Гайдамачить (мест. сленг) – бандитствовать, разбойничать.

С этим я не спорил. Знал, и такое бывает. А уж потом, в Чечне, окончательно понял Чабана. Там не всегда понятно было, где свои, где чужие. И мы, и они в линиях камуфляжах без знаков различия (чтобы не облегчать работу снайпера в поисках командиров). Мы по-русски говорим, они тоже. Их подставляют, предают. И нас. «Наши» тоже разные бывают. «Своими» некоторых никак назвать нельзя. Были факты и продажи оружия, и разглашения секретных данных. Были уголовные дела, и что же? Если подобные «офицеры» и получали срока, то какие-то несерьезные, точно не своих боевых товарищей под пули подставили, а пару куриц у бабки со двора сперли. А за такие дела полагается перед строем сорвать погоны и дать дружный залп. Но сегодня на дворе гуманизм, демократия. Поэтому мерзавцы разгуливают на воле и смеются над нами – дураками, тянущими фронтовую лямку.

– Михаил Никандров, он же Кентавр, сидит в специальной крытой тюрьме... Ко всему прочему его лишили звания и боевых наград, – сообщил полковник Булышев, отставив в сторону чашку с недопитым кофе. – Коньяк никто не желает?

– Можно, – кивнул Яков Максимович. – И что же, ничего нельзя сделать?

Мы сидели в большой комнате булышевской квартиры. Чабан и Рита прибыли полчаса спустя после Малышева, и теперь мы обсуждали дальнейшие действия. Чабан сейчас был похож на немолодого бригадира строительной команды. Скромный пиджачок, рубашка без галстука с расстегнутым воротом, пролетарская кепочка. Рита, напротив, выглядела довольно ярко, непривычно броско и притягательно. Темно-синие брючки, костюмчик. Впрочем, в таком виде ей будет очень удобно заводить нужные знакомства.

– Нет, Яков Максимович, – ответил Чабану Булышев, – статья слишком серьезная.

– Может быть, как-то можно было бы... – начала Рита. – Михаил – наш товарищ.

– Я понимаю, Маргарита Григорьевна, – повернулся к Аржанниковой полковник, – но прошу вас всех больше к этому вопросу не возвращаться. Значит, коньяк?

Мы выпили молча, каждый по одной рюмке. Коньяк у Булышева оказался не из дешевых, приличной выдержки.

– Слушай, Вячеслав Иванович, – проговорил Чабан, – давай уясним раз и навсегда один вопрос.

– Давай, Яков Максимович, – отозвался Булышев.

– Кто командир? Ты? Я? Вечер?

– Ну, вообще-то... Вы четверо поступаете в мое распоряжение. Это решило руководство. И ФСБ, и десантных войск, – спокойно ответил Булышев.

– Они, может, и поступили, – кивнув на меня и Малышева, произнес Чабан, – а я уже давно в отставке, и никакого командования у меня нет... Так вот, в таком деле командир должен быть один. Согласен, полковник?

– Говори дальше, Яков Максимович, – кивнул головой Булышев.

– Я согласился участвовать в этом деле, потому что к Эль-Абу Салиху и его головорезам у меня свой счет. Еще с Афганистана. И им от меня теперь вряд ли уйти... Но командиром буду я, полковник.

Булышев ничего не ответил. Лишь обхватил ладонями колени, уставился на свою только что опустошенную рюмку.

– Не обижайся, Булышев, но это наша специфика. Нас выбрасывают в тыл противника без связи, зачастую даже без должного снаряжения. Нам ставят боевую задачу, и мы ее выполняем. До сего момента осечек не было... Иначе мы бы перед тобой сейчас не сидели.

– Это я понимаю, – произнес наконец Булышев.

– Абу Салиха мы возьмем. Может быть, даже живым... Но руководство всей группой буду осуществлять я!

Сейчас Чабан совсем не походил на строительного бригадира. Перед нами был наш недавний командир, гвардии майор Сергеев, почти не изменившийся с той первой афганской операции.

– Помощь сугубо техническую сможешь оказать? – спросил Яков Максимович. – Техника, транспорт, оружие? Деньги тоже понадобятся.

Булышев молча поднялся. Подошел к книжному шкафу, неожиданным движением отодвинул в сторону сразу две полки, нажал на какую-то кнопку. В недрах книжного шкафа оказалась своеобразная замаскированная кладовая. Аккуратно, точно книги, оружие было расставлено по металлическим стеллажам. В основном это были небольшие пистолеты-пулеметы, находящиеся на вооружении спецназа ФСБ. Здесь были и малогабаритные специальные пистолеты типа «Гроза», с топорным дизайном, но с полной бесшумностью. Были и три автомата «АКС-74У». Без пламегасителя, короткоствольные и без прикладов, легко укрываемые даже под летней курткой. Имелся и комплект гранат. От оборонительных «Ф-1» до свето- и звукошковых. Отдельно лежало несколько радиостанций «Кенвуд». А еще ниже располагался сейф, в котором, как выяснилось, лежали финансовые запасы – в евро, долларах и рублях. Не слишком много, но на первое время должно было хватить.

– Все в вашем распоряжении, – кивнул на арсенал Булышев. – Командуй, майор.

С нашим послужным списком полковник за эти дни ознакомился подробнейшим образом. С личным послужным «афганским» майора Сергеева тоже. Поэтому понимал, что слов на ветер Чабан не бросает.

– И все же... Если что возникнет, не медли, Яков Максимыч, обратись за советом, – произнес напоследок Булышев.

– Хорошо, полковник... Значит, прямо по курсу у нас городская бильярдная. Давайте подробнее о ней.

Чувствовалось, что Булышеву не слишком по душе такое вольное обращение с субординацией, но иной помощи ему ждать было неоткуда. Тем не менее мы перешли к бильярдной, и я подробно изложил сведения, полученные мною в госпитале.

– А как там вообще... ну, в бильярдной? Рукопашные частенько? – выслушав меня, спросил Женья Малышев.

– Ни рукопашной, ни поножовщины, – покачал головой полковник. – Место культурное, охраняемое. Там даже местная элита не брезгует шары покатасть... Правда, в такие дни все близлежащие улицы перекрывают.

– Понятно, – кивнул Чабан, – сегодня – элита, завтра – бандиты, послезавтра – опять элита. Неужто ни разу не пересеклись?

– Давай по делу, Яков Максимович. – Булышеву было не до шуток. – Считаешь, что нужно идти в бильярдную и выходить на этого Хашима?

– Считаю, что да, – произнес Чабан.

Таким образом, командир поддержал мой первоначальный план.

Полковник покинул нас, предоставив полную свободу действий. Близилась ночь. Рита устроилась в большой комнате, мы с Чабаном в маленькой, а Малышев прямо в коридоре, поблизости от входной двери. На всякий случай.

– Зачем ввязался? – негромко спросил меня Чабан, когда я уже собирался лечь в свою кровать.

– Приказ, – ответил я, накидывая одеяло.

Мне хотелось спать, хоть немного побыть в тишине.

– Приказ – мудаку напоказ... Не люблю я «контору», ты знаешь, – продолжил Чабан. Это верно. Ни «контору» (то бишь ФСБ), ни ментов Чабан не жалуется.

– Ты в отставке, Яков Максимыч, мог и отказаться, – произнес я.

Впрочем, я тоже мог бы отказаться. Мы, в конце концов, не для ментовских и фээсбэшных акций предназначены. Задачи, подготовка все-таки у ВДВ другая. Что собой представляет воздушно-десантная операция? Это согласованные и взаимосвязанные действия ВДВ, авиации и других видов вооруженных сил. Одним словом, пехота и танки наступают, ведя интенсивный бой с противником, а военно-транспортная авиация забрасывает во вражеский тыл нас. Не просто так, а с целью захвата важных военно-экономических объектов (а то и целых районов) противника в его тылу. Чтобы не опростоволоситься, объекты и районы предварительно тщательно разведываются авиацией и нами же, разведкой ВДВ. Если хорошо разведаем, то в ходе удачного десанта мы можем нарушить управление вражескими войсками, захватить командные пункты. Помните фильм «В зоне особого внимания»? Бьем также по аэродромам, блокируем их. Заканчивается такая операция успешным соединением десантников с наступающими войсками. Все это хорошо на учениях, в специальной учебной литературе. Этому учат в Рязанском командном училище ВДВ, ныне почему-то названном институтом. Однако в реальных конфликтах, в том же Вильнюсе, Азербайджане, в Афганистане, Приднестровье, Чечне, мы действовали то как мотострелковое подразделение, то как жандармское. Теперь вот против наркомафии «десантируемся». С другой стороны, такой персонаж, как Эль-Абу Салих, не всякой «конторе» по зубам. Черный Генерал был памятен Чабану еще с Афганистана. Там Абу Салих, будучи одним из самых молодых моджахедских лидеров, действовал следующим образом. Малой боевой группой устраивал засады нашим подразделениям. Находил полуразвалившийся, но способный быть силуэтным прикрытием дувал и сажал туда пару-другую гранатометчиков с помощниками. Сидят басмачи, ждут колонну. О ее продвижении мимо дувала Абу Салих всегда был осведомлен заранее. У него неплохо была поставлена разведка, но и сам он (по рассказам тех, кто уцелел при личной встрече) обладал феноменальным слухом и зрением. На больших расстояниях мог разглядеть клубы дыма, чутким ухом услышать лязг и бречание наших боевых машин. Впрочем, техника у нас была не новая, гремела так, что и прислушиваться особо не надо... Так вот, идет колонна. Как правило, танковая. И вот бойцы Абу Салиха исхитрились с близкого расстояния попасть нашим танкам точнехонько в основание башни. Снайперы, мать их, без промаха били... Через пару секунд еще пара залпов, и басмачи делают из дувала ноги по заранее подготовленным отходам. Две-три машины горят, раненые стонут. Хоть все кругом развороти, а «пташки» уже далеко. Чабан в составе спецкоманды гонялся за Абу без всякого результата. Гонялся спецназ КГБ – та же картина... В конце восьмидесяти шестого года, незадолго перед выводом войск, Черный Генерал сам исчез. Вместе с наиболее боеспособной частью своего отряда. Кто Абу Салих по происхождению, подлинно ли его имя, никто не знал. Даже КГБ конца 80-х не сумел добыть о Черном Генерале какие-либо сведения. И теперь вот, через десяток с половиной лет, всплыл Абу Салих в изгорских окрестностях. Чабан с ним давно побеседовать намеревался. Что ж, встретимся – побеседуем все вместе.

– Помнишь такой аттракцион – борьба нанайских мальчиков? – неожиданно спросил Яков Максимович.

Я помнил. Актер-акробат в одиночку изображает двух борющихся мальчиков, одетых в шубы. В итоге ни тот, ни другой мальчик победы одержать не может – акробат-то один!

– Надо смотреть, чтобы нас такими вот мальчиками не сделали, – произнес Чабан. – Поэтому командир я, ты мой первый зам.

Возможно, не очень к месту мне вспомнился анекдот:

– Выползают из земли два червяка: «Здравствуй, я – Вася! А ты кто?» – «А я – твоя жопа!»

Чабан лишь вяло улыбнулся.

– Михаила надо вытащить! – после паузы напомнил он о судьбе Кентавра.

С ответом я не нашелся. Как одновременно выйти на Эль-Абу Салиха и освободить из заключения Кентавра, я не представлял.

– Ладно, отбой! – проговорил Чабан. – Завтра пойдем с тобой шары катать.

Валентин Вечер и Чабан.

Бильярдная при «Замке развлечений»

Всякий уважающий себя офицер должен владеть кием не хуже, чем автоматом. Однако у меня с этим туго. «АКСом», штык-ножом и саперной лопаткой я владею куда лучше. Как выяснилось следующим днем, у Чабана с этим делом было не намного лучше. В бильярдную мы отправились после четырех часов. Именно в это время, по заверению моего «языка», здесь можно было найти Хашима или его людей. Пропустили нас по вполне сносной цене и даже предложили пива и орешков, но мы предпочли для начала скатать пару партий. Уже взяв кий в руки, я вспомнил, что не знаю все термины бильярдных партий. Чабан же стоял чуть поодаль от меня, делая вид, что увлекся журналом об автомобилях, лежащим на низеньком гостевом столике. Мой противник, парень лет двадцати пяти, что-то спросил меня на сленге бильярдистов, я лишь дернул головой. Тот, в свою очередь, пренебрежительно усмехнулся, пожал плечами. На местного он был не похож, на славянина тоже. Здесь вообще полно таких.

– Обычную партию скатайте, пацаны, – неожиданно властно подал голос из своего угла Чабан.

– Пацанов здесь нет, дядя, – ответил мой противник, оскалившись не очень добродушно. – Что ж, обычную так обычную!

Мне этот «непацан» был мало симпатичен, в другое время я не стал бы с ним связываться, но чутье подсказывало, что именно такие типчики могут свести с Хашимом... И мне почему-то захотелось непременно обыграть его! Правила бильярда (если это не какой-нибудь мудреный карамболь) я помнил. Кий, правда, последний раз держал, когда учился в Рязанском училище. При местном Доме офицеров имелась шикарная бильярдная. Там мне иногда удавалось одержать победу, правда, исключительно над своими же сокурсниками. Но сегодня мне попался соперник иного уровня, поэтому раздолбал меня за считанные мгновения.

– Лихо, – изображая подобие усмешки, произнес я, отсчитывая проигранные купюры.

– Что-то я раньше тебя не видел, – убирая выигрыш, сказал победитель, разглядывая меня с интересом, но каким-то презрительным.

– Мы проездом здесь, – кивнул я на Чабана, – вот с товарищем.

– Что за дела у вас? – спросил уже другим голосом победитель. Жестким, требующим немедленного внятного ответа.

– Коммерция, перевозки, – уклончиво ответил я и, в свою очередь, задал вопрос: – А ты чем занимаешься?

– Много чем занимаюсь... Например, людей жизни лишаю.

Произнес лениво так, с брезгливостью. Мол, что скажешь, сапог? Что ж, скажу...

– Жизни, говоришь, лишаешь? – спрашиваю. – Это кто ж тебе такое право дал?

Молчит. Усмехается. Весело ему стало от вопроса дурацкого. Он потяжелее меня, а в карманах висящего на соседнем кресле пиджака, возможно, и по стволу имеется... Разоткровенничался бычара?! Впрочем, не бык он, а «бычок». Окурок. Таких по возможности давить надо. Всей подошвой. Чабан делает вид, точно и нет его, журнал листает. А сбоку от меня еще один «бычок» нарисовался. Молчаливый, угрюмый, в пиджаке с явно не пустыми карманами. А Булышев говорил, что место культурное, элитное.

– Давай на брюки твои сыграем! – неожиданно предлагает говорливый «бычок». – Или на башку. Согласен?

Меня начали проверять, это ясно. Будь я простым «проездным» коммерсантом, наверняка после таких фраз должен, по их мнению, сделать ноги.

– Имею неприятие, – произношу я, фиксируя каждое движение обоих, – и сильное неприятие... Даже непонимание.

Вот тут «бычки» напряглись. Кажется, я заговорил на их языке. Хоть и исковерканном, но внятном.

– Неприятия у нас быть не может, – выждав паузу, произнес говорливый. – Не бывает у нас таких вещей, ясно?

Я вежливо кивнул, отметив, что Чабан по-прежнему листает журнал.

– Если ясно, отвечай, чего тебе здесь надо? Шары ты катать не умеешь, даже кий лапаешь, как бабу... – Говорливый презрительно скривил губы.

– Ладно, – позволил я себе улыбнуться, – раз такое дело пошло... Пойдемте в курилку, толкнем базар.

– Толкнем, – с улыбкой отозвался «бычок».

Мы двинулись в подвал, где находились мужской туалет и курилка. Чабан остался сидеть за гостевым столиком. В курилке я машинально сунул руку в карман брюк, чтобы достать сигареты. И тут в мой кадык чуть не вошла ладонь-секира говорливого. Я успел защититься левой и тут же нанес ответный удар в челюсть. Я сработал чисто на автомате, так как еще курсантом заимел кубок чемпионата вооруженных сил по боксу. «Бычку» хватило одного удара. Так, окурком, в пол и впечатался. Второй тут же сунул руку во внутренний карман и выхватил пистолет. Если бы он еще догадался отскочить на пару шагов назад (помещение курилки это позволяло), то легко мог поймать меня на мушку. Но он так и остался на месте, на расстоянии всего одного шага от меня, и при этом целил мне прямо в лоб. В моем положении ничего иного не оставалось, как захватить руку с оружием и выкрутить ее внутрь. Удерживая таким образом «бычка», опешившего от моей стремительности, я отступил влево и сильно рванул его руку вниз. От этого обычного приема самбо он взвыл и выронил пистолет. Я отпустил его кисть и тут же ударил по открытой челюсти, уложив молчаливого «бычка» рядом с говорливым. Но тут со стороны входа послышалось:

– Не двигаться! На пол, падла!

Обернувшись, я увидел еще одного «бычка». Этот уже скорее был полноценным «быком» и сжимал в вытянутых руках пистолет Макарова.

– На пол, тебе говорят!

Мне ничего не оставалось, как вытянуть вперед руки, медленно подогнуть колени... В этот момент «бык» охнул, оружие из его лап вырвала невеста откуда взявшаяся сильная жилистая рука. Не прошло и двух секунд, как он улегся на отдых рядом с двумя другими.

– Ну неужели нельзя без этого? – с укоризной бросил мне Чабан, проверяя обойму в пистолете. – Словами надо конфликты разрешать!

Яков Максимович, как всегда, подоспел вовремя.

– Там в зале еще ихнего «бычья» голов восемь насчитал, – продолжил Чабан. – А мы сюда не воевать пришли.

Что верно, то верно. Тем не менее я обезоружил своих «бычков», и теперь у нас имелось целых три ствола. Однако мы и в самом деле пришли сюда не для боевых действий. Поэтому парой тычков я привел в чувство говорливого. Он дернулся всем корпусом, застонал.

– Все в порядке, – успокоил я его и даже опустил вниз ствол отобранного пистолета. – Мы же говорить собирались? Вот давай поговорим!

– Вы кто? – уняв стоны, задал вопрос «бычок».

– Гости из Сибири, – ответил Чабан, перехватывая инициативу. – Устраивает?

«Бычок» кивнул.

– Хотим с твоими старшими поговорить, – произнес я. – Они, надеюсь, люди вежливые.

– Будут вам старшие, – отозвался «бычок», поднимаясь на ноги.

Не прошло и десяти минут, как мы сидели в отдельном кабинете за скромным, но изысканно обставленным столом. Беседовал с нами бородатый дядя, постарше меня, с мощной шеей и в темных (несмотря на вечернее время) очках.

– Оружие верните! – произнес он, как только мы сели за стол.

– А твои нас завалят? – отозвался Чабан. – Нет уж, вернем после беседы. Не обессудь.

– Что вы хотите? – спросил бородатый.

– Нам нужно оружие, – заговорил я. – И не только автоматы, но и гранатометы. Три штуки. Заплатим хорошо, по столичным расценкам.

– Вы обратились не по адресу. – Бородач поморщился.

– А куда по адресу?

– Кто вы такие? – вопросом на вопрос ответил бородач.

– Бывшие офицеры, – ответил я. – И у нас серьезный бизнес.

Легенду мы заготовили заранее. И она не должна была сильно отличаться от реальности.

– В каких войсках служили? – тут же спросил бородатый.

– В интересных, – улыбнулся в ответ Чабан.

Бородач некоторое время молчал. Потом, не снимая очков, произнес:

– Вы оба, как я понял, гонцы?

– Правильно понял, – ответил я, с трудом сдерживая внутреннее ликование.

Все шло по нашему с Чабаном плану.

– Так вот, говорить я буду с вашим хозяином, – подвел итог бородач. – Только с ним. Если вы и в самом деле серьезный народ, то заключим сделку. Если нет... Лучше вам, ребята, прямо сейчас сваливать из Изгорска.

– Иначе? – уточнил Чабан.

– Вас либо завалят... либо я вас ментам местным сдам. Все, разговор окончен, мне лишних трупов не надо. Через два дня жду вашего генерала. Или у него другое звание?

Уточнять ни я, ни Чабан не стали. Что ж – удочки забросили, теперь надо ждать. Или поймает рыбу, или она тебя... на самое дно утащит.

– Про оружие забыли? – напомнил бородач.

– Отдадим на выходе, – ответил я.

Если нас сейчас разоружат, то за наши головы никто не даст и ломаного гроша. Бородач ничего не ответил, лишь снисходительно усмехнулся. Похоже, мы заинтересовали его. Продать партию оружия, в том числе три гранатомета, – серьезный бизнес. На покупателя лучше лишний раз не давить. Мы прошли к выходу через бильярдный зал. Внешне все было тихо и спокойно, играла музыка, светились разноцветные огоньки. Около входа стояли пятеро подручных бородатого, среди них и уже знакомые «бычки». Сейчас они стояли, нахмурившись и немного дергая шеями, походили уже не на быков, а скорее на носорогов. Говорят, носороги плохо видят. Но при их весе это, как правило, не их проблемы. Я и Чабан весим значительно меньше носорогов, но проблемы сегодня почему-то оказались у них. Мы вышли на улицу, отошли на солидное расстояние, и лишь тогда ко мне подошел говорливый.

– Возвращаем в целостности и сохранности. – Я по очереди протянул ему все три ствола, затем отдельно вернул обоймы.

– Зачем в карман полез? – спросил на прощание «бычок».

– За сигаретами, – честно ответил я.

– С тобой, жердь, у меня разговор не последний, – зло ощерился говорливый. – Ты жди...

На том и разошлись. Я с трудом сдержался, чтобы не врезать этой гниде вторично, поэтому последнее слово осталось за ним.

– Этого бородатого я знаю, – выслушав нас, заговорил Булышев. – Главный администратор бильярдной. Значит, они хотят видеть главного, вас за гонцов, шестерок приняли?

– В Рязанском десантном блатным понятиям не обучают, – ответил я.

– Кто же сыграет роль главного? – спросил полковник.

– Михаил Никандров, – ответил Чабан. – Без него мы никак... А у него тюремный опыт. Хорошо знает спецконтингент. Запросите «добро» у Москвы! – глядя в лицо полковнику, произнес Яков Максимович. – Скажите, что Никандрова целесообразно использовать в оперативной игре. Такое ведь может быть.

Булышев лишь махнул рукой. И в самом деле – сейчас требовался человек с уголовным опытом. Во всяком случае, мы с Чабаном были в этом уверены.

– У нас двое суток, – сказал Чабан. – Никандров отбывает наказание недалеко отсюда, так что утренним авиарейсом...

– Билеты купил? – перебив Чабана, с ехидной усмешкой спросил полковник. – Ладно, убедили...

Руководство Булышева в Москве. Мы – здесь. Иных людей у полковника нет. Человек же с тюремной «академией» и в самом деле должен был сыграть сейчас ответственную роль. Так решили мы с Чабаном.

Михаил Никандров. Позывной – Кентавр.

Закрытое учреждение тюремного типа № 14

В открывшуюся кормушку просунулась морщинистая физиономия немолодого, утомленного тюремным бытом вертухая:

– Заключенный Никандров!

Из дальнего темного угла отзываться не торопились.

– Никандров!

И на сей раз в ответ не последовало ни звука.

– Ну хорошо, Никандров! – хрипло и зло произнес вертухай. – Сейчас с тобой Ганс поговорит. У него ты поросем завизжишь!

Ганс из вертухайской братии самый крутой. У него и в самом деле не своим голосом взвонешь, не забалуешься, и никакими словами его не остановишь... Немолодой вертухай щелкнул ключом и отворил камеру.

– Заходи, Ганс! – почти ласково проговорил вертухай.

В камеру вошел огромный головастый ротвейлер, его огромные белые клыки сверкали в полутьме, точно звезды облачной ночью. Ганс был штатной служебной собакой особой резервной группы и предназначался для усмирения тюремных бунтов. Усмирять весьма успешно... Ротвейлер молча, без рыка, двинулся в глубь камеры, передвигая высокими мощными лапами. Вертухай застыл у порога, наострив уши. Однако шума скоротечной борьбы и привычных воплей о пощаде тюремщик не услышал. В камере по-прежнему царила тишина, точно никакой Ганс туда и не заходил. Подождав секунду-другую, тюремщик подозвал своего более молодого сослуживца, и они вдвоем зашли в камеру, держа наготове резиновые палки. Взору их предстала следующая картина – почти двухметровый заключенный Никандров сидел в расслабленной позе на своей шконке, рядом с зарешеченным окном. Рядом с ним в столь же расслабленной позе лежал Ганс, а Никандров неторопливо чесал зверя за ухом. Молодой вертухай аж присвистнул, так и застыв с поднятой дубинкой.

– Что тебе надобно, цыр?⁹ – спросил Никандров, продолжая теревить Ганса за ухом.

– Мне ничего, – стараясь сохранить спокойствие, проговорил старший вертухай. – В абвер¹⁰ тебя требуют!

Пару секунд Никандров сидел неподвижно, затем отпустил ротвейлера, поднялся со шконки и направился в коридор.

Заклученный Никандров высок, худ, но при этом мощен. Лицо у него костистое, вытянутое. Мерином не назовешь, а вот Кентавром в самый раз. Миша Никандров в десант попал более десяти лет назад, во время срочной службы. До этого же он получил вполне мирную профессию специалиста по техническому обслуживанию и ремонту автомобилей и их двигателей. Однако, попав в ВДВ, в подразделение Чабана, понял, что у него другое призвание. Окончил школу прапорщиков, вернулся в спецназ. Такие, как Михаил, скупы на слова, но щедры на дела. В этом можно было убедиться неоднократно за почти десять лет службы. В начале 2002 года Никандров получил тяжелое ранение. Боевики напали на колонну срочников из мотострелковой роты. Те как могли отбивались, помощи через эфир просили, а потом и вовсе затихли. А где ее, помощь, взять? Как всегда, нигде. Перебрасывать спецподразделения нужно было часа три, не меньше. Поблизости были лишь Кентавр и трое контрактников. Они-то мотострелков-первогодков перебить и не дали. Бой был жарким, но боевикам пришлось отступить.

Никандрова поначалу определили в «двухсотые», то есть в покойники. Так основательно он был посечен осколками мины, пущенной из миномета. Тем не менее военврач сумел нащупать пульс, махнул рукой, чтобы грузили вместе с тяжелоранеными, то есть «трехсотыми».

– Выживет? – спросил капитан Малышев.

Военврач второй раз махнул рукой.

Кентавр выжил. Однако с десантом пришлось распрощаться. Демобилизовался по ранению, вернулся в родной город, на работу устроился по гражданской специальности – автомехаником. Жил-поживал себе Кентавр спокойно, никого не задевал. Так бы до старости и дожил в спокойствии, но нашлись те, кто тронул его. Точнее, его шестнадцатилетнюю племянницу. Как-то вечером пришла домой в порванном платье, со слезами и кровоподтеками по всему телу. Кентавр самосудом сразу заниматься не стал, доверил дело милиции. И те довольно быстро отыскивали насильников. Вот тут-то все и началось. Не так, как в фильме Говорухина «Ворошиловский стрелок», а куда круче. Насильниками оказались сынок местного олигарха и сынок руководителя службы безопасности олигарха, бывшего фээсбэшного полковника. Олигарх тот был весь синий от татуировок, из бывших уркаганов, сам когда-то мотал срока по 117-й, 206-й и 146-й.¹¹ Баклан и отморозок в чистом виде. Сынка таким же воспитал... И взялись папаша за племянницу и ее мать (сестру Кентавра). Требовали, чтобы не только заявление из ментуры забрала, но еще и публично извинилась за клевету. Иначе... Олигарх с улыбочкой пообещал продать Таню Никандрову знакомым чеченцам. Фээсбэшник-телохранитель утвердительно кивнул... Милиция лишь руками развела. Один добрый пожилой мент порекомендовал и вовсе из города подальше уехать. Тяжело вздохнув, Кентавр отправился в загородный коттедж к господину олигарху. Коттедж был четырехэтажным, что оказалось очень плохо для его хозяина и семьи фээсбэшника. Всех четверых Кентавр выбросил из окна четвертого этажа. Олигарх, фээсбэшник и его сынок сломали себе позвоночники и оказались навечно прикованными к койке. А отпрыск олигарха и вовсе на тот свет отправился.

– Это ведь не враги, Никандров! – всплескивал руками прокурор-обвинитель на процессе. – Вы не в Чечне и не в Афганистане!

⁹ Цыр, цырик (он же вертухай, дубак и др.) – тюремный охранник, надзиратель.

¹⁰ Абвер – оперативная часть в местах лишения свободы.

¹¹ 117-я, 206-я, 146-я статьи бывшего УК – изнасилование, хулиганство и разбойное нападение.

– По мне эти... «пострадавшие» такие же враги. Оккупанты. Даже хуже. Прихвостни, оккупантские холоуи. А Чечню не трогайте! Некоторым дудаевцам я бы памятник поставил.

– Не понимаю...

– За отвагу. Они Родину свою, землю защищали... Не поняли мы друг друга – вот в чем беда. И я отступить не мог, а они тем более.

– Экспертиза в институте Сербского признала вас вменяемым. Так что не надо!

– Это я к тому, что дрался с врагами моей Родины.

«Нет, крышу у него клинит капитально!» – мысленно вздохнул прокурор, но с вопросами решил закончить. В итоге Никандрову вынесли двенадцать лет лишения свободы.

В абвер-кабинете вместо кума¹² сидел неизвестный мужчина в штатском. У окна, спиной к вошедшему Никандрову, стоял еще один мужчина, тоже в штатском.

– Наручники снимите! – в приказном тоне сказал вертухаю сидящий на кумовском месте.

– Никак нельзя! – дернул дряблыми плечами конвоир. – Передвижение зээспэнов¹³ без наручников запрещено по инструкции.

– Снимите! Никандров больше не зээспээн. Он вообще больше не заключенный вашего изолятора. С этого часа, – неизвестный мужчина кивнул на часы, а потом протянул вертухаю какую-то бумагу с двумя печатями.

Тюремщику ничего не оставалось, как расковать Никандрова и покинуть помещение.

– Что за амнистия? – поинтересовался Михаил, глядя на своего невесть откуда взявшегося освободителя.

Среднего телосложения, немолодой, с немного побитым оспой лицом. Седые виски, внимательный и одновременно сочувствующий взгляд. Не из войсковых, голос не тот, интонация... Но при погонах, это вне сомнения.

– Вы освобождаетесь временно, – сухо произнес незнакомец. – Понадобилась ваша помощь. Ваш боевой опыт, умение и... выражаясь высоким слогом, нравственная позиция. В случае удачного выполнения боевой задачи вы будете освобождены условно-досрочно.

– А если я сбегу?... Вместо выполнения вашей боевой задачи? – усмехнулся, не отводя взгляда, Никандров.

– Тебя будут долго искать, Миша, – отозвался второй, тот, что стоял, повернувшись спиной. – А голову снимут с меня и с подполковника Вечера.

Михаил от удивления даже поднялся во весь свой почти двухметровый рост. У окна стоял его недавний командир майор Сергеев.

– Валька уже подполковник? – только и спросил Никандров.

– Еще, – улыбнулся в ответ Сергеев, подходя к Михаилу вплотную.

Они обнялись суровым, крепким мужским объятием.

– Как остальные ребята? Женька? Маргарита?

– Увидишь – сам спросишь!

Михаил бодро мотнул стриженной головой. Главное – живы.

– Ты вновь поступаешь под мое командование, – произнес Сергеев. – Иных командиров у тебя не будет.

– Так точно, – отозвался Никандров. – Тут такая вещь... – Михаил перевел взгляд на Булышева. – Вы говорили, что после выполнения задания я буду освобожден.

– Условно-досрочно, – подтвердил Булышев.

– По приговору суда я был лишен воинского звания и наград...

Полковник хмыкнул, перевел взгляд на Сергеева.

¹² Кум – тюремный оперативный сотрудник.

¹³ Зээспээн (ЗСПН) – заключенный, склонный к побегу и неповиновению.

– Я сделаю все возможное, Михаил, – проговорил Булышев. – Думаю, награды и погоны тебе вернут.

– Даже посмертно! – твердо произнес Никандров.

– Даже посмертно, – точно эхо отозвался полковник.

Хашим и человек с черной бородой и очками. А также Стекольщик

Его лицо мало кто видел. Из тех, кому «посчастливилось», немногие пребывали еще на этом свете. Включая пластических хирургов. Хашим никогда не проявлял излишней любознательности. Человек со странным, явно вымышленным именем Эль-Абу Салих носил черную седеющую бороду, скрывающую нижнюю часть лица, и огромные черные очки, скрывающие верхнюю половину. Нос у него был крупный, искривленный, со вздувшимися сине-красными жилами.

– Что сказали в Москве, Хашим? – спросил Эль-Абу.

– Терли базар. Как только стали пиндюжиться,¹⁴ мы их...

– Я не понимаю этих слов, Хашим. Говори по-русски!

– Одним словом, их не очень устраивает, что мы развернули свой бизнес в столице. Хотят встречи на высоком уровне.

– Кто хочет?

– Есть один человек. Очень серьезный и осведомленный.

– Кто?

– Он себя не назвал.

Хашим счел разумным подробно о Стекольщике не рассказывать.

– Если хотят говорить со мной... Надо подумать о встрече на нейтральной территории! – обстоятельно произнес Эль-Абу. – Что в городе? Где фээсбэшник?

– Как сквозь землю провалился. А в бильярдную наведывались какие-то... не пойми какой масти, интересовались тяжелыми шпалками¹⁵ и...

– Я же просил тебя говорить по-русски! – вновь осек Хашима Эль-Абу Салих.

– Оружием интересовались, готовы были купить.

– Выкиньте их. Ни в коем случае не связывайся.

Хашим кивнул головой, затем попрощался. Через полчаса он был уже в своем загородном особняке и самолично отправил для Стекольщика сообщение по электронной почте. Там (разумеется, не открытым текстом) он сообщил последнюю информацию. Особо проинформировал о невесте откуда взявшихся «покупателях», подробно описав их внешность со слов администратора. Упомянул и о неизвестном, сорвавшем захват фээсбэшника Булышева... Не прошло и пары часов, как Стекольщик позвонил Хашиму лично. По специально приобретенному для такой связи мобильному телефону с двумя уровнями защиты от прослушиваний.

– Хашим, гостей надо принять и оказать любезный прием, – вынес решение Стекольщик. – В самом прямом смысле этого слова.

¹⁴ Пиндюжиться (*жарг.*) – нагло себя вести, наезжать.

¹⁵ Шпалки (*жарг.*) – огнестрельное оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.